

*Ирина
Степановская*

*Тем, кто
не любит*

Ирина Степановская
Тем, кто не любит

«ЭКСМО»

2013

Степановская И.

Тем, кто не любит / И. Степановская — «Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-61898-9

Поездка Натальи Нечаевой, молодого ученого-иммунолога, на конференцию в Санкт-Петербург кажется ее мужу странной. Подозрения вызывают и поспешные сборы, и забытый доклад, и старый кулон, валяющийся на постели... Вячеслав решает ехать вслед за женой. Неожиданные обстоятельства, странное переплетение судеб и встреча с любовью, пронесенной сквозь годы, ожидают умных, гордых и таких по-чеховски несчастных героев в этом безумно красивом и торжественно-печальном городе. Книга также издавалась под названием "Боковая ветвь".

ISBN 978-5-699-61898-9

© Степановская И., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

1	6
2	15
3	21
4	25
5	32
6	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Ирина Степановская

Тем, кто не любит

©Степановская И., 2013

©Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

1

Ранним утром ясного устоявшегося лета, когда уже бывает жаль, что бесповоротно отцветает в Москве сирень, но липы еще только собираются освятить ароматом бульвары, жители квартир подходят к раскрытым окнам своих домов, к растворенным дверям балконов, вдыхают наполненный ночной влагой воздух и, рассеянно поднося зажигалки к первым утренним сигаретам, потягиваются томно в солнечных лучах и шепчут, обращаясь неизвестно к кому:

– Как хорошо на свете жить-то, господи!

Потом закрывают окна, захлопывают балконы и уезжают кто куда по разным делам.

Собирался в это утро на работу и доктор-офтальмолог Вячеслав Сергеевич Серов. Его жена Наталья еще спала, уютно свернувшись под одеялом. Вставая, он внимательно посмотрел, не дрогнут ли ее ресницы, но, очевидно, утренний сон был более сладким и желанным, чем возможные ласки мужа, поэтому ее ресницы не дрогнули.

В кухне с уютным пофыркиванием струился кофе из верхней чаши автоматической кофеварки в нижнюю, и тостер собирался выплюнуть ароматный поджаренный хлеб. Вячеслав Сергеевич, закончив бритье, прошел из ванной комнаты в кухню к окну, закурил и покрутил ручку радиоприемника. Солнечный луч обласкал его лицо, а из приемника раздалось негромкое сиплое бормотание, создававшее в квартире ощущение присутствия еще одного мужчины. Вячеславу Сергеевичу, стоящему спиной к проходу, показалось, что скрипнула дверь и зашумела в ванной вода, и голос жены будто бы спросил, не остыл ли кофе.

– Что-то ты рано встала сегодня! – крикнул он в сторону ванной.

– Забыла тебе вчера сказать, я уезжаю в Санкт-Петербург, – послышалось ему сквозь шум льющихся струй.

– Когда? – Вячеслав Сергеевич не мог скрыть изумления. Еще вчера ни о какой поездке и речи не было.

– Прямо сейчас.

– На самолете? – спросил из-за двери он.

– На машине.

Было слышно, как смолкла вода, и Вячеслав Сергеевич представил, как его жена нащупывает полотенце, висящее на зеркальном змеевике батареи.

– С чего это ты решила ехать? – Он даже забыл про тосты, и они так и остались остывать между металлических решеток.

– На конференцию. Уже давно пригласили сделать доклад, но, оказалось, факс где-то затерялся. Хорошо, что выяснилось это не тогда, когда конференция уже закончилась. Я решила поехать. Уже несколько лет не была в Питере.

Наташа выпорхнула из ванной, закутанная в розовый махровый халат, и Вячеслав Сергеевич не мог не отметить, что выглядела она в это утро прекрасно.

«Ох, не нравится мне что-то эта неожиданная конференция», – подумал он, но лишние вопросы в их семье с некоторых пор задавать стало не принято, негласное перемирие нарушать никто не хотел, и Вячеслав Сергеевич промолчал. Пока жена собирала сумку и рылась в лекционных бумагах, он без аппетита поел в одиночестве, выпил уже остывший кофе и уехал на работу. За приемом, осмотром и выпиской больных время пролетело незаметно, и когда он вернулся домой, то обнаружил в мусорном ведре только обрывки бумаг, на кухне нетронутую чашку кофе, а на кровати серебряный кулон в виде распущенного тюльпана и несколько CD-дисков.

Музыку, что ли, будет слушать? – удивился Серов. Обычно его жена не любила шума и ездила не разговаривая, не включая приемник, думая о чем-то своем.

– Почему ты всегда молчишь? – как-то спросил он.

– Во-первых, не люблю за рулем отвлекаться, а во-вторых, обдумываю дела, – ответила она.

– Так ведь до тебя не дозвонишься, – не понимал он.

– Ничего, раньше без мобильных обходились.

Его жена действительно не любила мобильники – не относилась к людям, которые разговаривают часами и существование без телефона не могут себе представить.

Сейчас Вячеслав Сергеевич прошел по квартире, открыл платяной шкаф жены. Взятые были только темный брючный костюм, очевидно, для конференции – он был ей очень к лицу, – свитер, светлые брюки и легкая куртка.

«Она же не сказала, когда вернется», – подумал он.

На подзеркальнике в прихожей лежали листы бумаги в файловой папке с каким-то отпечатанным текстом. Рассеянно он взял папку в руки. Всмотревшись, вчитался в название. Тихонько присвистнул.

«Да она забыла свой доклад! – еще больше удивился он. Машинально он схватился за телефон, набрал Наташин номер. – Конечно, недоступна... Ну, материал, конечно, она знает и без этих листов, но сам факт... и что за манера отключаться, когда уезжаешь...» – Серов задумался. Потом решил выбросить эти мысли из головы: «Ну, торопилась почему-либо и забыла, с кем не бывает».

Наспех прибравшись в квартире, он вытащил записную книжку и набрал известный ему номер.

– Ма-ри-ноч-ка! – нараспев произнес он. – Не поможешь одинокому мужчине по хозяйству? Я опять одинок, позаброшен... В общем, лишен женской ласки.

Ответ Марины прошелестел ласково, как майский ветерок. И на целый вечер и последовавшую за ним ночь Вячеслав Сергеевич позабыл в жарких объятиях подруги о своих сомнениях насчет поездки жены.

Автострада М10 от века соединяет Москву с Северной столицей, но водителям бы хотелось, чтобы дорога эта была сделана лучше. Местами узкая, скучная и равнинная, она не радует путников ни особенной красотой окрестных мест, ни хорошим покрытием трассы. Наталья Васильевна Нечаева, а именно так звали нашу героиню – женщину самостоятельную и поэтому пожелавшую сохранить девичью фамилию в обоих своих браках, двигалась по трассе в сторону Петербурга, автоматически и без напряжения управляя своей верной, но, к сожалению, не очень уже новой машиной. Как было обозначено в паспорте машины, мощность двигателя составляла около ста лошадиных сил, а цвет назывался красиво – «спелая вишня». Из собственного же паспорта Натальи Нечаевой следовало, что недавно ей исполнилось тридцать восемь лет, была она уроженкой города на Волге. А с черно-белой официальной фотографии, наклеенной на второй странице, внимательно и спокойно смотрела красивая темноволосая женщина.

Наташа любила свою машину – с места трогалась аккуратно, лишний раз старалась чрезмерно не газовать, чтобы не забросило свечи, наблюдала за показаниями тахометра, отслеживая количество оборотов в минуту, а тормозить предпочитала двигателем, плавно подкатывая в потоке других машин на запрещающий сигнал светофора. Визг тормозов неприятно резал ей слух, и те, кто предпочитал постоянно тормозить таким способом, как водители у нее уважения не вызывали.

Расстояние примерно в семьсот километров она преодолела за десять часов с одной остановкой для того, чтобы умыться у колонки, смочив водой носовой платок, выпить кофе в придорожном кафе и съесть сдобную булочку с треугольничком плавленого сыра. И почти половину проделанного пути в динамиках магнитофона ее машины звучала всего лишь одна мелодия, благо техника теперь позволяла не перематывать пленку взад-вперед. И эта мелодия,

благодаря определяющему влиянию скрипок и виолончели, была тягучей и сладостной, будто свежий июньский мед с альпийских лугов. Она повторялась беспрерывно накатами вниз, будто луга переходили в леса, а леса спускались к морю. И морские волны уже днем и ночью набрасывали пену на поросшие соснами прибрежные скалы.

Когда Наташа, уже подъезжая, миновала один за другим повороты на Павловск и на Пушкин, ей стало казаться, что возвращается она в родные места, настолько знакомыми с детства ей были эти названия. В Питере когда-то учился ее отец. Сюда же он часто привозил ее вместе с мамой в гости к друзьям. И все эти места были исхожены и изъезжены вдоль и поперек. Потом друзей его молодости стало оставаться все меньше, а сама Наташа выросла и стала ездить в Питер по важным делам – то на конференции, как сейчас, а то на собрания научных обществ.

Как было бы здорово купить в Царском Селе крохотную квартирку и приезжать сюда раз в несколько месяцев только для того, чтобы гулять по парку. Наташа подумала, что вся их семья именно это место любила больше, чем шикарный и слишком помпезный Петергоф. Но потом она с щемящей грустью вспомнила, что у ее мамы теперь болят ноги и поэтому она не любит много ходить, а отец, уже давно пребывая на пенсии, большую часть времени проводит на даче. Ее же собственная дочка в первую очередь озабочена романом с молодым человеком и поэтому на все смотрит чужими глазами и совершенно равнодушна к красотам ландшафта, а муж, будучи коренным москвичом, из какого-то странного чувства соперничества не любит город на Неве. А для себя одной покупать квартиру...

По учатившемуся мельканию огней, по частому чередованию ответвляющихся от основного шоссе дорог, зеленых массивов и группам больших домов Наташа поняла, что она уже в городе.

«Сейчас, как только выеду на Московский проспект, остановлюсь передохнуть на пару минут. Заодно посмотрю карту», – подумала она, так как ей предстояло еще пересечь с юга на север чуть не весь город. Хотя все приглашенные на конференцию должны были разместиться, как водится, в одной гостинице, Наташа решила ехать на север, на Черную речку, – туда, где жили они втроем, с отцом и мамой, когда приезжали одной семьей еще в Ленинград на экскурсии. Ей даже казалось, что сами стены домов в том районе хранили тепло ее детства.

Тут Наташа вспомнила, что в Москве, в ближайшем к ее дому Кузьминском парке, она гуляла в последний раз уже года три, наверное, назад. Тогда девушку как раз сопровождал смешной молодой человек из ее лаборатории – Женя Савенко. А с тех пор ей было некогда туда даже заглянуть – из дома прямо в институт, из института – домой, или в командировку, или отдохнуть. Дочка теперь живет отдельно, но тревог по этому поводу не убавилось... Катерине всего-то семнадцать лет. Боже, какая легкомысленная... Неужели она была такая же в этом возрасте?

Дочкиному кавалеру тоже едва исполнилось девятнадцать. Какой-то придурок. Но Катя сказала, что любит его до смерти, и ушла к нему жить. И ничего нельзя сделать... Интересно, чья это была идея – уйти из дома. Неужели Каткина? Что, ей было плохо? Вот она, Наташа, с родителями жила до тридцати лет. И до сих пор об этом не жалеет. Спокойно, уютно. Мама всегда накормит, с папой – можно поговорить... Но, конечно, сейчас не так, как раньше, и Славик Катерине все-таки не родной отец... Но ведь он девочку с семи лет растил...

Наташе вспомнился эпизод их семейной жизни. Она тогда как раз вернулась из командировки в Прагу. Прелестная тогда была поездка... Весной, тоже в мае, два года назад... Но Наташа отогнала от себя эти воспоминания, сосредоточившись, влилась в мчащийся поток машин и въехала на площадь Победы. Миновав обелиск, она перестроилась в крайнюю правую полосу и остановилась. Московский проспект расстился перед ней. Само название, горевшее на указателе дороги, почему-то показалось ей дорогим. Как ни любила Наташа Питер, последние годы все яснее ощущала себя жительницей Москвы. Родной приволжский город

постепенно стирался из памяти. Так полотно старого мастера постепенно закрашивается стараниями его более молодых и решительных потомков.

Наташа размяла руки, уставшие держать руль, причесалась, посмотрела на себя в зеркало и осталась в целом довольна. Усталость от долгой езды выдавали только тени под глазами, а так – очень даже приятный вид.

«Позвонить сейчас, что ли?» – подумала она с неожиданной усмешкой. Опять возникло это наваждение. Снова захотелось увидеть того, кто был ей в принципе неприятен. Захотелось узнать, как идут дела у того, про кого уже много лет она думала не с сожалением, а с равнодушием и тщательно подавляемой горечью. Наташа достала записную книжку, но не стала открывать, а попробовала вспомнить номер, который когда-то помнила наизусть.

Ничего не получилось. «Это склероз», – усмехнулась она и решительно раскрыла книжку на букве А.

Алексей.

Наташа посмотрела на ряд цифр и обнаружила, что совершенно не взволнована.

«Позвоню, но не сейчас», – она закрыла книжку. Да и совершенно не факт, что надо обязательно звонить. Она еще посидела немного, отдыхая. Опять откуда-то из глубины сознания появилось отвратительное воспоминание, почти кошмар – чья-то знакомая фигура, стоящая в темноте, чье лицо всегда оставалось неразличимо. То ли кошмар этот был из сна и повторялся потом наяву, то ли она действительно видела когда-то что-то подобное и забыла об этом. Но человек, смотрящий на нее из темноты с угадывающейся усмешкой, с какой-то немыслимой, непонятно чем вызванной недоброжелательностью, был страшен ей до тошноты. Она никогда не могла понять – кто же он, кто скрывается от нее столько лет. Казалось, стоит только осветить эту фигуру, и Наташа узнает этого человека, определит ему место в своей жизни, и тогда мучительный кошмар рассеется.

Видение человека во тьме исчезло. Женщина решительно тряхнула головой.

Мне нужно в гостиницу. Завтра доклад, я должна выспаться. Она проверила маршрут по своей старой карте, вспомнила дорогу, спрятала расческу и быстро влилась в общий поток машин. И когда через несколько минут пересекла набережную Обводного канала, то поняла, что уже съехала с «большой земли» на острова, а, следовательно, дальше перед ней замелькают в вечерних огнях Фонтанка и Мойка, пахнет ароматом мазута и моря Нева, а потом уже появятся и любимые с детства места – Большая Невка, Карповка, Ушаковский мост...

Наташа Нечаева больше всех других мест любила Петроградский район. На Аптекарском острове жил когда-то товарищ ее отца, а на острове Каменном в военном санатории они любили отдыхать всей семьей. И самое лучшее время было такое, как сейчас, когда цвела липа, отцветала сирень, и над городом плыли белые ночи.

Гостиница оказалась небольшая. Бронь была оставлена, как полагается, администратор, женщина средних лет, – сама любезность. Наташа завела машину во двор – типичный ленинградский мешок из камней и асфальта, с одной стороны, правда, росли две старые липы.

«Ладно, умоюсь и позвоню домой», – подумала она, втаскивая в лифт полупустую, но объемистую сумку. Распаковка вещей заняла три минуты.

«А где же доклад?» – удивилась Наташа и снова проверила сумку. Доклада не было. Кулема, неужели оставила? Она достала мобильный телефон. Длинные телефонные гудки зазвучали в ухе. Она звонила на домашний номер. Никакой трагедии, конечно, но хотелось бы все-таки просмотреть перед сном доклад – освежить в памяти. И даже просто интересно – неужели действительно склероз? Куда она его все-таки задевала? Но вдруг вместо Славика послышался абсолютно незнакомый женский голос. Наташа Васильевна растерялась. Может, ошибка соединения?

– Попросите, пожалуйста, Вячеслава Сергеевича к телефону. – Она и сама не могла понять, почему она все-таки так сказала.

– Он сейчас не может подойти, он в ванной, – легко ответила незнакомка. И поинтересовалась в свою очередь: – А может быть, что-нибудь передать? Кто его спрашивает?

Наталья Васильевна сделала недолгую паузу.

– Скажите, жена.

В трубке что-то ойкнуло, но Наташа уже отключилась. Она даже порадовалась, что в сравнении с этим ойканьем ее собственный голос прозвучал вроде бы абсолютно спокойно, но тут же через секунду навалились на нее сразу и усталость, и голод, и досада на то, что доклад остался черт знает где, и самое главное – страшная тоска, соединенная с отчаянным чувством, что жизнь совершенно не удалась.

Остаться в номере казалось невыносимым. Надо что-то поесть или выпить. Не захотелось спускаться в лифте – в узкой коробке с закрывающимися дверями, казалось, не хватало воздуха. Наталья пошла пешком.

Женщина-администратор, только что заносившая в свой компьютер Наташины данные и, как все женщины, сравнивавшая ее внешность и возраст со своими, была удивлена, насколько хорошо выглядит Наташа. Теперь же она не без удовлетворения отметила и устало опущенные плечи, и горькую складку у рта. И, как ни странно, от этого прониклась к новой постоялице участием.

– У вас ничего не случилось? – крикнула администратор от своей стойки. Вестибюль гостиницы был настолько маленьким, что все передвижения в нем оказывались видны как на ладони. Внутренняя дверь в ресторан вдруг открылась, и официантка побежала зачем-то в служебную комнату. Запах еды показался Наташе тошнотворным.

– Нет, ничего, спасибо, – сказала она и пошла наверх.

Администратор смотрела на нее с удивлением.

«Кошка из дому – мышки в пляс! – вдруг пришло в голову на площадке второго этажа. – Разве я – кошка?» – Машинально Наташа снова вошла в номер.

«Нет, но каково истинное родство душ?! – она старалась найти хоть каплю чего-то забавного в этом звонке. – Он сейчас в ванной, и я пойду в душ...» Она чуть не заплакала. Но усилием воли выкинула из головы все, что не относилось к докладу, и целых два часа заново записывала его на бумагу. Ровно в двенадцать Наташа погасила свет и, когда уже засыпала, все видела перед глазами серый асфальт, подминаемый колесами ее машины. А под утро ей опять приснился темный, неприятный, нераспознанный человек.

– Звонила твоя жена, а я, не подумав, сказала ей, что ты в ванной, – сделав забавную мордочку, призналась Марина, когда Вячеслав Сергеевич появился в комнате в банном халате – розовый, снова выбритый, с зачесанными назад влажными русыми волосами.

– Ты что, охренела? – Вячеслав Сергеевич опешил от такой новости. – Ты что, не соображаешь, что можно, а что нельзя в телефон говорить? Мы же договаривались с тобой, что жена – это оплот, это дом, это мать ребенка, ну и так далее.

– А я? – спросила, надувшись, Марина.

– А ты – цветок жизни, созданный для удовольствия, – пояснил Вячеслав Сергеевич.

– Для вашего удовольствия? – уточнила Марина.

– Просто для удовольствия.

– А с женой вы, значит, удовольствия не получаете? Она у вас святая? – съязвила Марина.

– Знаешь что, – настроение было испорчено серьезно, но Вячеславу Сергеевичу стало обидно, что он зря брился уже второй раз за день. – Иди-ка ты лучше сюда. Хотя надо бы тебя отшлепать как следует за твое идиотское поведение...

– А вы и отшлепайте! – предложила Марина, и доктор Серов без лишних слов энергично увлек девушку на супружеское ложе.

Однако все-таки чувство недосказанности и сам факт такого глупого прокола мешали им обоим. В результате удовольствие, которого оба ждали друг от друга, получилось каким-то вымученным.

– Тебе с утра на работу? – уточнил наконец Вячеслав Сергеевич и ощутил от положительного ответа подруги большее удовлетворение, чем от процесса шлепания.

На следующий день он тоже поехал на работу к себе в отделение, но мысли его постоянно крутились вокруг одного и того же.

«Сделала она сегодня, что ли, свой доклад? – целый день думал он. – Утром – доклад, вечером – банкет. Тогда завтра должна вернуться. Но, может быть, банкет не сегодня? Конференции обычно продолжаются несколько дней. А что, если... взять и приехать? Как снег на голову?»

Да нет! Она решит, что я приехал подлизываться. Как в тот раз, когда она раньше срока вернулась из Праги... А, что ни говори, занятно было бы вместе с ней побродить по Питеру. Посидеть в ресторане... Дома-то ни на что времени нет. Интересно все-таки, сколько дней продлится конференция?»

Неизвестно зачем он выпил на ночь кофе и лег спать. Естественно, после этого Вячеслав Сергеевич долго ворочался и все решал, ехать ему завтра в Питер или нет.

«Куда, к черту, ехать? – наконец вспомнил он. – Ведь завтра же операционный день. И зачем я, как дурак, притащил сюда эту Марину?»

Вопрос был риторический. Вячеслав задавал его себе не первый раз и не первый год, но никогда не мог найти мало-мальски вразумительного ответа.

Он нравился девушкам. Многие любили его или по крайней мере были бы не прочь занять Наташино место. Его возраст пока никого не отпугивал, а некоторых и, наоборот, привлекал. Да и что у него за возраст? Прекрасный возраст для мужчины – сорок пять лет. Было в нем что-то неуловимое от Алена Делона – скорее всего, независимость во взгляде, ухмылка все понимающего нахала, руки в карманах, и вечно поднятый воротник. Но по-настоящему наглым Вячеслав, в сущности, не был. Наглость и цинизм – разные вещи.

Жена уезжала в командировки. Бывало, надолго, бывало, всего на несколько дней, как теперь. Пациентки таяли и млели, когда он по долгу службы смотрел им в глаза. Медицинские сестры сами ластились к нему. Он пользовался каждым удобным случаем, но никогда не влюблялся. А ему очень хотелось влюбиться. Ощутить заново необыкновенный подъем сил, почувствовать жизнь так, как в молодости. Но искреннее чувство не приходило, и Вячеслав думал, что дело тут было в постоянном сравнении других женщин с Наташей. Почему-то все время оказывалось, что его собственная жена и умнее других, и красивее. Для него она уже была словно музейная редкость, престижный экспонат, которым он владел и отдавать который никому не собирался. Но в то же время экспонат этот был уже изучен до мелочей, до тонких деталей и, собственно, интереса более не вызывал. И ведь самое смешное – то, что он сам ее нашел, будто неизвестное произведение старого художника, отреставрировал, вставил в красивую оправу и теперь снисходительно наблюдал, как этой музейной ценностью не устают любоваться другие.

Кстати, оперировал Вячеслав Сергеевич первоклассно. Работал в лучшей глазной клинике, и, чтобы попасть к нему на операцию, больные записывались в очередь. Наташа не оперировала. Она заведовала большой научной лабораторией в институте. Ум, широта научных взглядов, огромное трудолюбие и правильная организация дела позволяли ей и ее сотрудникам успешно выживать в трудное время перемен и даже завоевать известность за рубежом. Дома она умела становиться другой – совершенно беспомощной Наташкой, храбрым зайцем с мягкими лапами. Это в ней подкупало. И выглядела она превосходно. А если вдруг Вячеславу Сергеевичу нужна была какая-то справка из областей жизни, не связанных с медициной, он

обращался к жене и всегда получал достойный и удовлетворяющий его ответ. Только почему-то в последнее время он обращался к ней за справками все реже и реже. Чаще в Интернет.

Итак, несмотря на то, что Вячеслав Сергеевич совершенно не выспался, новое утро наступило, как всегда, вовремя, с определенным не нами постоянством. Однако облегчения в мыслях оно не принесло. Вячеслав Сергеевич встал и, посмотрев на часы, набрал номер телефона лаборатории жены.

«Наверное, никого еще нет», – подумал он, вслушиваясь в безрадостное пиканье гудков. Он хотел уже положить трубку, как вдруг что-то щелкнуло, и молодой мужской голос ответил: – Слушаю.

– Это муж Натальи Васильевны, – сказал Вячеслав неизвестному молодому человеку. В лаборатории было полно аспирантов, и этот голос не вызвал у Серова никаких эмоций. – Я хотел бы узнать, сколько дней продлится конференция в Петербурге, и на какой день намечен доклад Натальи Васильевны. Она забыла его дома, и я мог бы ей его привезти.

– Забыла доклад? – удивился молодой голос на проводе. – Но я думаю, вам не стоит беспокоиться. Наталья Васильевна все прекрасно знает на память.

– С кем я разговариваю? – поинтересовался Серов. Ему показалось забавным, что кто-то дает ему указания беспокоиться или не беспокоиться.

– Евгений Савенко.

– Вы аспирант? – Что-то он не слышал такую фамилию в разговорах с Наташей.

– Нет, соискатель. – Женя заочно терпеть не мог мужа Натальи Васильевны. Какое имеет значение, аспирант он или соискатель? Важно, что он хотел сам поехать с Натальей Васильевной в Петербург. Она его не взяла. Она почему-то выбрала себе в спутники старика с внешне-стью добродушной жабы, бывшего проректора по науке из института, в котором когда-то училась сама. Теперь он занимал при ней почетную должность консультанта. А все лабораторные остроты придумали ему кличку, которую проректор оправдывал на все сто: Нирыбаниямясо.

Нирыбаниямясо ходил на работу, слегка помахивая потертым портфельчиком, как, казалось, ходил еще до нашей эры. И никто в лаборатории не понимал – зачем этот старик нужен Наталье Васильевне?

– Значит, сколько дней будет идти конференция, вы не знаете? – задал Серов уточняющий вопрос.

Факс с сообщением о конференции лежал сейчас перед Женей на столе Натальи Васильевны. Если как-нибудь выяснится, что он, Женя, не смог ничего вразумительно объяснить, Наталья Васильевна может рассердиться. Этого допустить нельзя. Женя взял в руки факс и продиктовал Серову программу, включая время и место проведения банкета.

Серов поблагодарил, извинился за беспокойство и положил трубку, Женя тоже кинул свою на рычаг и сел на Наташино место за стол. Он был в лаборатории один, и у него имелся запасной ключ от начальственного кабинета. Евгений любил задерживаться после всех и часто приходил раньше. Именно из-за этого ключа и приходил. Он стал настоящим фетишистом в последнее время. Итак, Женя посидел в совершенной неподвижности, молча, потом потрогал оставленную на столе самую простую шариковую ручку, прочитал, что было написано на листе календаря (кстати, ничего особенного там не оказалось), понюхал стоящий сбоку флакончик духов. Затем открыл незапертый ящик стола и увидел в нем черную пудреницу от «Шанель», старую сломанную линейку, пачку цветных фломастеров, коробку скрепок. И небрежность, и обыденность, с которой лежали здесь вещи, к которым притрагивалась она, привели все чувства в расстройство. На спинке кресла, позади, валялся брошенный шарф, в который Наталья Васильевна куталась, когда на улице шел сильный дождь, когда ветер менял направление и дул в сторону их окон. Женя потрогал шарф и зарылся в него лицом. Шарф хранил ее запах. Если бы Наталья Васильевна была не женщиной, а тепличным цветком, на манер Розы для Маленького Принца, Евгений построил бы для нее прозрачный колпак и носил бы впереди себя на

вытянутых руках, опасаясь больше всего, как бы не споткнуться. Но Наталья Васильевна, которая о мыслях насчет колпака ничего не подозревала, с Женей разговаривала не так уж часто и с чуть заметной улыбкой. Но в те минуты, когда он не смотрел на нее, начальница, бывало, останавливала на нем свой внимательный, изучающий взгляд.

Старинные настенные часы в проеме между окнами отбили четверть девятого утра, и Женя, инстинктивно обернувшись, еще успел заметить, как дрогнули стрелки. Регистратура работала с восьми, значит, сейчас в коридоре начнут собираться больные, к половине девятого придут лаборантки. К девяти – коллеги. Начнется обычный рабочий день. Женя положил шарф на место, подошел к двери и, перед тем как выйти, осмотрел кабинет. Все осталось так, как было, когда Евгений вошел. Форточки закрыты, и в кабинете еще витал чуть душноватый запах духов, пыли, книг и увядшей сирени, дотягивающейся кистями до окон третьего этажа. Потянувшись к выключателю, Женя напоследок еще раз обернулся: в центре черного пластикового стола для заседаний в вазе поникли головками три великолепные темные розы. В парном к столу шкафчике для посуды стояли чашки и тарелки для чаепитий, отдельно с выскомерным видом высились бокалы для шампанского. Со стен на Женю смотрели авторские свидетельства об изобретениях, дипломы, лицензии и фотографии – все в одинаковых рамках и в определенном порядке.

Он не выдержал, подошел. На одной из фотографий в числе других был он сам. Женя тогда только еще закончил институт. Дело происходило несколько лет назад, после какой-то очередной конференции, весной. Все тогда радовались удачному продвижению новой темы. На столе виднелись бутылки шампанского, коробки конфет. У Натальи Васильевны в руках был огромный букет сирени. Кто-то срезал его под самыми окнами. С одного боку Наташу обнимал какой-то старомодного вида высокий мужчина – заведующий лабораторией из смежного по тематике института, рядом с ним стояла спортивного вида блондинка и показывала в объектив что-то вроде почетной грамоты. С другой стороны к Наталье Васильевне примкнул пресловутый Нирыбанимясо, а сам он, Женя Савенко, скромно держался на заднем плане в кучке аспирантов.

Женя вздохнул, провел с любовью рукой по стеклу этой фотографии, достал из кармана свой ключ от кабинета, через щелочку осмотрел пустой пока еще коридор лаборатории и выскользнул наружу.

Вячеслав Сергеевич в собственной квартире, как обычно, принялся за завтрак. Солнечный луч, потершись о занавеску, скрылся из глаз, заслоненный набежавшим облаком. Хлеб теперь казался ему безвкусным, а кофе несладким. И вообще не хотелось ни пить, ни есть. Вячеслав выплеснул кофе в раковину и тщательно вымыл чашку. Снял с плечиков куртку, подхватил с подзеркальника ключи от своей машины.

«Что же она все-таки взяла с собой слушать?» – снова вспомнил он. В коробке с дисками, стоящей на полке на жениной половине шкафа сверху, лежала бумажка с изображением какого-то оркестра. Скрипачи в первом ряду торжественно занесли над головами смычки. Оркестр Поля Мориа. Серов пожал плечами. Пункт шестой программы был отмечен карандашиком для бровей. «Адажио. Джиозотто – Альбиниони». Вячеслав понятия не имел, что это было за адажио. Он вообще не являлся большим знатоком в музыке. Интересно, почему эта вещь помечена галочкой? Ему даже захотелось ее послушать.

Серов небрежно вывел машину со двора, продолжая размышлять. Откуда он взялся, этот Джиозотто? И Альбиниони тоже. Никогда Вячеслав Сергеевич не слышал таких фамилий. Что они еще сочинили?

«Соберись, – сказал он себе, – на утро назначены две операции. Обе достаточно сложные».

Обычно Вячеслав оперировал под микроскопом. Какой микроскоп! Сейчас он с трудом мог фокусировать взгляд на дороге. Хотел зажечь сигарету, не мог отыскать зажигалку. Господи, она ведь была где-то тут! Неужели он настолько сильно сдал за последнее время, что так разволновался из-за этого дурацкого происшествия? Что оно было – первое или последнее? Наташа не дура. Она прекрасно должна понимать, что все его связи – баловство. Сексуальные игры стареющего мужчины.

Повинуясь внезапному импульсу, он вдруг остановился и вышел из машины. Зачем-то попинал протекторы, наконец закурил. Потом проверил, есть ли в карманах деньги, и позвонил на работу. Серов решил: «Будь что будет, но оставаться в Москве невозможно».

Через семь минут он пересек кольцевую автостраду, взяв направление на Питер. Просто так, без особой цели, чтобы чем-то занять себя и, может быть, прояснить для себя что-то. Не то чтобы он наметил обязательно встретиться с женой. Ведь то непонятное, смешное и ужасное, что происходило между ними в последнее время, было больше похоже на какое-то затянувшееся недоразумение, но объяснить это все равно нельзя. С того момента, как Вячеслав Сергеевич принял решение ехать, мысли его сконцентрировались, а пальцы перестали дрожать. Автострада М10 сама направляла его в Петербург, и он с готовностью ей повиновался.

2

Алексей Фомин, хозяин одного из известных автомобильных салонов в Петербурге, в этот день вернулся домой пораньше. Вот как-то так сложились звезды, что он решил положить на своего заместителя и уехать из офиса. Алексей Фомин любил свой дом, можно сказать даже шире – любил не только дом, но и вообще все, чего он добился и что его окружало. Фомин отпер дверь подъезда, поздоровался с консьержкой и охранником и поднялся к себе на четвертый этаж старинного красивого здания. Огромный букет свежих роз встретил его благоуханием в гостиной. Предупрежденная о приходе мужа жена хлопотала в кухне. Домработница была отпущена, сын Антон собирался потусоваться с друзьями. Откушав жареную грудку индейки с цветной капустой и молодым картофелем, Алексей в благодушном настроении устроился на роскошном кожаном диване в гостиной, просматривая последнюю страницу вечерней газеты. Алена, его жена, в это время на кухне заправляла посудомоечную машину.

– Как дела, Антон? – крикнул от газеты в сторону сына Фомин.

– Нормально, пап. Я ухожу.

– Пусть Павел обязательно привезет тебя домой. Ни с кем больше не ездит! – предупредил Алексей. Павел был их водитель.

– Хорошо, пап.

Боржоми пузырился перед Алексеем в бокале на столике. На выходные веселая компания должна была собраться у них на даче, в поселке на балтийском берегу. Жизнь на данном отрезке времени не сулила особенных тревог и радовала стабильностью.

Фомин закрыл за сыном дверь, взял газету и переместился в кухню. Его взгляд с колонки анекдотов упал на обзор театральных новостей. На гастроли в Питер опять приезжал Московский театр имени Ленинского комсомола.

– Сходим на «Чайку»? – сказал он жене.

Алена скривила хорошенький ротик.

– Да эта «Чайка» мне в школе осточертела. Давай на что-нибудь другое.

Фомин пожевал губами.

– Хороший состав.

Алена не согласилась.

– Небось старье.

– Старье так старье. – Настаивать он не стал. Хотя сам бы сходил на этот спектакль.

Мужчина снял и сложил очки. Потер переносицу. Однажды, таким же вот летним вечером, сидя в кресле в маленькой комнатке у одной молодой девушки, он взял со стола томик Чехова. И почти забытый девичий голос, обращаясь к нему, спросил:

– Ты какую пьесу у Чехова больше любишь?

В ответ он пожал плечами:

– Не знаю.

Девушка сказала как о чем-то давно решенном:

– А я – «Чайку». Знаешь почему? Я люблю Нину Заречную. Ее почему-то, сколько я видела, неправильно представляют. Играют либо истеричку, либо чересчур романтическую особу. А она на самом деле была решительной, смелой. Другая бы на ее месте спокойно вышла за Треплева замуж. Молодой писатель, как-никак, пусть и в дядюшкином поместье. И сидела бы всю жизнь возле голубого озера, не рыпалась никуда. А она выбрала Тригорина и театр. Любовь и карьеру. Свободное плавание вместо тихой пристани.

– И свернула на этом шею. Ты тоже хочешь в свободное плавание?

– Почему свернула? – Голос у девушки стал немного обиженным. Нина ведь все-таки стала актрисой. Может, дальше она вообще будет звездой, Чехов просто это не дописал. Кроме того, наука не театр, шансов пробиться гораздо больше.

– Наука теперь – цирк. Но над упавшими всегда смеются безжалостно, имей это в виду!

– Постараюсь не падать.

Разговор был окончен. Ту девушку, чей голос он так явственно сейчас вспомнил, звали Наташей Нечаевой.

Сколько же лет они не виделись? Он даже не мог сосчитать. Исчезла она тогда из приволжского города неизвестно куда. Но однажды все-таки ему позвонила. Наташа знала этот его номер. Алена тогда со своей безумной ревностью помешала разговору. С чего вообще было ревновать? Обычный разговор: как дела, то да се... Забавная она тогда была девушка, эта Наташа... Где она сейчас? Странно, почему он все-таки ее вспомнил?

– Эй, ты спишь? – донесся до него голос Алены.

– Да, что-то задремал...

– Тогда иди в спальню, я сейчас тоже приду! – В голосе Алены послышались игривые нотки. Алексей вздохнул, почесал кончик носа.

– Давай сначала я отвезу машину в гараж.

– Это целых полчаса! – капризно надула губки Алена.

Действительно, комфортный многоуровневый гараж, в котором он занимал два бокса, находился минутах в пяти езды от их дома.

– Прими пока ванну, – предложил Алексей.

– Пора переезжать жить на дачу, – вздохнула Алена. – Там гараж в цокольном этаже, время терять не придется.

– На работу добираться оттуда сложно, – заметил Алексей и вышел из квартиры.

Двигатель завелся сразу же, с полоборота, и еле слышное урчание мотора не отвлекало Алексея от мыслей. Пока он преодолевал это небольшое расстояние до гаража и потом двигался пешком в обратном направлении, из головы у него не выходила высокая темноволосая девушка. Наверное, теперь она, как многие, растолстела, постарела... Нет, он не хотел бы ее сейчас встретить.

Алена ждала его на пороге спальни с игривой улыбкой на устах.

– Пока Антона нет... – значительно подмигнула она.

Алексей разделся и довольно долго водил по подбородку бритвой в ванной комнате. Когда они были одни, Алена позволяла себе, как она выражалась, «быть львицей».

– Ну, где ты? – уже с раздражением крикнула она из спальни.

Фомин накинул на плечи импозантный халат и решительным шагом направился к полю боя. В течение какого-то времени из спальни доносилось уханье и стоны, а потом все стихло. Алена вышла, почесывая затылок, и откупорила свежую бутылку французского коньяка. Ее супруг, растянувшись на спине, крепко и безмятежно спал. Он даже всхрапывал от удовольствия и наслаждения сном. И снились ему огромные сугробы по сторонам заледевшего тротуара, и он, молодой, с модным «дипломатом», в ботинках на толстой подошве, в длинном пальто, спешит синим утром в родной институт. А из круглого черного пластмассового тубуса почему-то вываливаются чертежи его замечательной дипломной работы.

С Наташей Нечаевой Алеша Фомин познакомился зимой, восемнадцать лет назад, в научной библиотеке большого приволжского города. В ее старинных залах проходили заседания ежегодной областной сессии студенческого научного общества. Этот субботний день был на сессии заключительным. Алексей представлял на ней свой автодорожный институт.

Дипломанты конкурса студенческих научных работ сухо читали доклады, и между круглых мраморных колонн царил вежливая скука. Алексей Фомин свой доклад уже прочитал

и поэтому спокойно сидел во втором ряду и наблюдал, как председатель президиума церемонно благодарил докладчиков за выступления, а молодой человек, включавший и выключающий свет во время показа слайдов, сдержанно улыбался сидящей рядом подружке.

Объявили очередного докладчика, и на трибуну стремительным шагом вылетела высокая девушка. Быстрым движением она откинула темную челку со лба. Под своды зала вознесся нежный голос. Народ оживился, так как каждому присутствующему стало понятно, что свой доклад она делает не для галочки в журнале, не для получения повышенной стипендии и какого-нибудь дурацкого ленинского зачета. Ее действительно интересовало то, о чем она говорила. Алексей посмотрел программу. В названии доклада были непонятные ему термины, обозначающие клоны клеток крови. Медицина всегда его интересовала. Он вслушался. Девушка говорила напористо, почти весело, но вместе с тем было ясно, что работа действительно сложная, выполнена на хорошем уровне. Алексей представил себе в маленьких лапках круглого шарика крови большой черный пистолет, с которым тот гоняется за антигеном, улыбнулся и подмигнул девушке. Она в этот момент случайно взглянула на него с трибуны и удивилась. Брови ее на мгновение поднялись дугой, но, не выдержав, девушка тоже улыбнулась ему в ответ, а через секунду уже вернулась к своей мысли и продолжала доклад. Окончание его прошло в темноте – дежурный молодой человек повернул выключатель, и на экране возникли модные тогда синие диаграммы, считавшиеся обязательным приложением к докладам. На экран Алексей уже не смотрел. Ему было в принципе в тот год на многое плевать. Он заканчивал летом последний, пятый курс и после защиты диплома должен был ехать учиться в целевую аспирантуру в прекрасный город Питер.

С достоинством, присущим отнюдь не зеленым первокурсникам, а уже зрелым выпускникам, он выдержал томительную процедуру вручения почетных наград и, небрежно свернув свою грамоту в трубку, отправился в гардероб. Там он увидел, как девушку-докладчицу, рассказывавшую про кровь, поздравляет пожилой, солидный господин, должно быть, научный руководитель. Почему-то Алексею сразу расхотелось идти домой. Он поболтался еще немного в шумном и гулком вестибюле, поглазел на новые журналы, выставленные в застекленной витрине на лестнице, и, наконец, стал искать в кармане свой номерок. Пожилой господин, к счастью, оставил подопечную, и она, получив шубку в гардеробе, пристроилась у зеркала одеваться. Вестибюль стремительно пустел, освобождаясь от весьма проголодавшейся молодежи, и под напором чьей-то богатырской руки тяжелая дверь на улицу стремительно раскрылась. Воспользовавшись этой оплошностью, морозный ветер с улицы ворвался внутрь и, радостно бесясь от такого приключения, пролетел между колоннами на лестницу и сорвал с широких перил тонкие листки чужого доклада и бумажный прямоугольник грамоты в тисненой золотой рамке. Девушка, наклонив голову, прятала под шапочку длинные волосы и ничего не заметила. Алексей поднял бумаги. «Наталья Нечаева, – значилось на титульном листе доклада. – Секция теоретической медицины, кафедра иммунологии, медицинский институт».

Домой из библиотеки по заснеженной морозной улице они пошли вместе. Из носа и рта вырывались, как ангелы, облачка морозного воздуха. Троллейбусы в вечернем воздухе искрили дугами по заиндевевшим проводам, а водители проявляли чудеса вождения, тормозя свои неповоротливые промерзшие чудовища на остановках так, чтобы прохожие могли пробраться к дверям сквозь протоптанные множеством ног щели в огромных сугробах.

Встретить сейчас Алексей Фомин на улице Наташу, наверное, не узнал бы ее. Но ему хорошо запомнилась короткая замшевая юбка, оголявшая Наташины длинные тонкие ноги так, как теперь носят все девочки. Для того времени это было все-таки слишком круто. Еще запомнились ее светлая шубка, вязаная шапочка, снег на ресницах и тонкий серебряный кулон в форме тюльпана, выполненный в ажурной технике финифти. Он преподнес его в подарок к Международному женскому дню. Цветы тогда в их городе было достать труднее колбасы, особенно тюльпаны. А серебро свободно продавалось в ювелирном магазине «Жемчуг». Вот

Алексей и вышел из положения, сопроводив свой подарок красивой открыткой. Это он почему-то тоже запомнил.

Никто не называл бы тогда Наташу Нечаеву красавицей. Родителям его она не понравилась из-за независимости и резкости суждений, но из тех молодых людей, кто был знаком с ней тогда, влюбленных в нее насчитывалось немало. Он и сам был слегка увлечен ее подвижным лицом, тонкой фигуркой, резковатыми жестами. Ему нравилось наблюдать за ходом ее рассуждений, когда он нарочно дразнил ее, задавая немыслимо сложные псевдонаучные вопросы. Например, уже тогда Алексей спрашивал, можно ли хоть теоретически клонировать человека. Его ужасно забавляло, как мило она сердилась, если оказывалось, что, как Наташа выражалась, «проблема была поставлена некорректно».

Его интересовало, была ли она влюблена в него. Он совершенно не помнил теперь, ни какой был у нее рот, ни какого цвета глаза, зато запомнилось, что высокомерная гримаска не портила ее худенькое лицо и даже придавала ему пикантность. И помнил он независимость в суждениях – то, с какой легкостью Наталья ниспровергала научные авторитеты. Только авторитет родителей, особенно отца, пожалуй, был для нее непоколебим. Впрочем, в ее учебные дела родители не вмешивались, это было вовсе ни к чему – Наташа и так являлась круглой отличницей.

Однажды он пригласил ее поехать на Волгу вдвоем. Это было уже в начале лета, перед защитой диплома. Зной тогда стоял страшный, трава уже начинала желтеть. И много дней не было ни малейшего ветерка – серебристые тополя стояли по берегам караулом – не шелохнувшись. Весь город требовал двух вещей – пить и купаться. Он взял с собой надувную лодку и резиновую камеру. Из города они проехали на автобусе километров двадцать, чтобы спускаться вниз по течению своим ходом. От остановки надо было идти по тропинке через огромное душистое поле клевера. Жужжали пчелы. Воздух калило солнце. Было невыносимо жарко. Наконец они вышли к реке. Ивы спускались к воде и охлаждали в ней концы своих веток. Он в первый раз тогда обнял Наташу и вплотную приблизил к ее лицу свое.

– Хочу поплавать! – спокойно сказала она и хотела разжать кольцо его рук.

Он поднял ее и, обняв, понес в воду. Вода уже доставала ему до шеи, только тогда он осторожно опустил Наташу на свои ступни и ощутил, несмотря на жару, прохладу ее узких подошв. Двумя руками в воде он обнял ее за талию и прижал к себе. Испытующе заглянул в глаза. На мгновение она застыла. И вдруг шевельнулась, рыбкой тихонько выскользнула у него из рук, плеснула в воде и уплыла.

Он не стал ее догонять. «Сама подольстится», – надеялся Алексей. Ничуть не бывало. Она хорошо плавала и приплыла, только когда он уже надул резиновую лодку. Спокойно в нее забралась, улеглась на дно и довольно быстро и бесшабашно стала удаляться вниз по течению. Он еле успел поймать конец троса, который соединял лодку с его камерой. Весь путь она продремала, закрыв лицо от солнца листом кувшинки, а он то плыл за ней на своей камере, то тащился по груди в воде, следя, чтобы ее лодку не снесло течением на середину. Вдобавок она еще попросила, чтобы он достал ей из камышей белую лилию, и, не сумев отказать, Алексей должен был лезть за этим дурацким цветком в самую тину.

В заключение она его даже не поблагодарила. У нее сильно обгорели плечи и грудь, от автобусной остановки она отчалила домой без лишних слов и не подходила к телефону три дня.

Он и думать про любовь не хотел, но Наташи ему не доставало. И близости с ней тоже хотелось, но только по его собственному желанию, без обязательств. Наташа его авторитета над собой не признавала. Могла одним жестом, еле заметным движением бровей поставить его на место, Алексей привык, что в его институте все девочки смотрели на него снизу вверх.

Он был не просто отличник. Он был лучшим студентом своего института. Он участвовал в разработке научных программ со второго курса. Многие преподаватели уважительно здоровались с ним за руку. Иногда ему казалось, что для Наташи он просто приятель. И вместе с тем

он мог бы поклясться, что, предложи он ей выйти за него замуж сейчас, она согласилась бы, не раздумывая.

Но Фомин не хотел даже думать об этом. Он парень был видный. Перед ним открывался Питер, аспирантура, большая наука, новая жизнь. Семейные тяготы его не вдохновляли. И потом, для себя он решил, что не влюблен. Наташа была слишком умна, недоступна. В его окружении мелькало много девушек, более приспособленных и для любви, и для семейной жизни. Они были ближе ему – округлостями фигуры, земными потребностями, умением готовить и желанием стирать его рубашки. И таких девушек немало – было из кого выбирать. Короче, после выпуска, перед отъездом в Ленинград, с дипломом в кармане, он мимоходом зашел попрощаться. Расстались они с обещанием друг другу писать.

Какие там письма! После отъезда мгновенно все изменилось. Алексей сразу ощутил, что в Питере он – никто. Как-то внезапно занятия наукой утратили для него интерес. Он начал с того, что приобрел фирменный костюм, завел себе новых друзей и изменил прическу.

Жизнь на Неве существенно отличалась от жизни на Волге. Диссертацией он продолжал заниматься лишь для того, чтобы оправдать свое пребывание вне Вооруженных сил. Если бы он бросил аспирантуру, сразу бы очутился в армии. В армию Фомин совсем не хотел. И без нее будущее представлялось достаточно неопределенным. Четыре года пролетели как один миг, как сладкий сон, как сиреневый туман. Он с радостью бы остался в Питере навсегда, но зацепки не попадались.

Пришлось окончить аспирантуру. Правда, он так и не защитился. Покрутившись в Питере еще пару месяцев и получив повестку из военкомата, Алексей понял, что придется ехать назад, в родной институт.

Там на кафедре его с нетерпением ждали. Но он уже не хотел научных открытий. Душа рвалась с Волги назад, в Северную Пальмиру.

Ему исполнилось двадцать семь. Как-то на улице родного города Алексей встретил Наташу. Она уже успела побывать замужем, родить дочь и быстренько развестись. Наташа по-прежнему занималась иммунологией, работала на кафедре и внешне изменилась мало, но по сравнению с питерскими знакомыми показалась Алексею невообразимо провинциальной. Он как-то даже не мог найти, о чем с ней поговорить.

Через два месяца после начала работы в своем институте, на ноябрьские праздники, он уехал в Питер повидаться с друзьями и молниеносно женился там на Алене, девушке очаровательной и только что выскочившей из десятого класса. Алена не была отягощена избытком образования и утонченными манерами, зато оказалась посвящена в разные модные штучки, сияла молодостью, обладала отличной фигурой и хорошеньким личиком. Алексея мгновенно покорило ее веселое, безудержное кокетство в сочетании с непревзойденным чувством собственного достоинства. Никакого самоедства, никакой науки! И, кроме того, у нее была доставшаяся от бабушки отдельная двухкомнатная квартира в хорошем районе. Совокупность этих достоинств все и решила.

Алене же, в свою очередь, ужасно льстила мысль выйти замуж самой первой среди школьных подруг, да еще и не просто за мальчишку-сверстника, а за мужчину десятью годами старше. Алена знала, что в классе ее считали не очень умной. Но и она в глубине души презирала куриц-одноклассниц, мечтавших об университете как о великом счастье. Тем более замечательно было бы утереть им носы! И поэтому на четвертый день знакомства она с гордостью отдала Алексею свой новенький паспорт для подачи заявления в загс. Свадьба состоялась ровно через месяц. На ней гулял весь Аленин класс. Бьющая в глаза юность жены и радовала Алексея, и умиляла.

Естественно, в голодном тогда Поволжье молодая супруга жить категорически отказалась, и подающий большие надежды молодой ученый Алексей Фомин переехал на постоянное место жительства в город Петра. Через год у молодой пары родился сын. Попытавшись содер-

жать семью на зарплату научного сотрудника, Алексей наплевал на большую науку и занялся полуподпольным бизнесом по продаже машин.

3

Во время конференции аудиторию университета заполняли разные люди. Подальше сидела, как всегда, молодежь – аспиранты, соискатели, студенты старших курсов. При этом некоторые молодые люди теснились у первых рядов и держались вблизи докторов постарше. Это те, чьи диссертации были на выходе. Ведь именно на научных конференциях мэтры знакомили молодых людей с нужными коллегами, договаривались о написании отзывов, разговаривали с оппонентами. По сравнению с пока еще легкомысленными задними рядами эти молодые люди уже несли на своих лицах подобающую случаю серьезность. Наталья Васильевна таких субъектов никогда не любила. Уж кому, как не ей, было знать, что настоящая наука делалась не этими в лучшем случае хорошими менеджерами научных организаций. Открытия совершались кабинетно-лабораторными крысами – фанатичными и одухотворенными, но непричесанными и чаще всего прыщавыми молодыми людьми и девочками, как правило, пережившими в юности несчастливую любовь. Встречались, конечно, среди настоящих ученых и денди, реже – очаровательные мордашки, еще реже – красавцы, но красавицы – никогда. Как Наталья Васильевна наблюдала, чем масштабнее была по замыслу работа ученого, тем менее презентабельной оказывалась его внешность. Денди чаще всего являлись педантами, отличались точностью исполнения, но редко когда были действительно оригинальны в постановке проблемы и трактовке полученных результатов. Естественно, в своих наблюдениях она не претендовала на какие-то обобщения, не делала также и далекоидущих выводов, но сотрудников к себе в лабораторию подбирала, все-таки придерживаясь своих взглядов. Если необходимо было влить в исследовательскую струю свежую кровь, предпочитала взять на работу мальчика, пришедшего к ней в кабинет в заношенном свитере с вытянутым воротом, но высказывавшего интересную идею, чем респектабельного молодого человека или аккуратную девочку, которые обещали заниматься всем, чем она скажет. Впрочем, и второй тип сотрудников тоже был полезен. Во всяком случае, за те пять лет, что Наталья Васильевна руководила лабораторией, молодежь так и кишела по коридорам, будто мальки в аквариуме. И только один человек был недоволен деятельностью заведующей, считая Наташу авантюристкой и провинциальной выскочкой. Это был старший научный сотрудник ее лаборатории, пятидесятилетний Лев Андреевич Мытель. Со Львом Андреевичем Наташа держалась всегда почтительно-любезно, но лабораторией руководила, сообразуясь со своими представлениями о целях и задачах намеченных работ.

Здесь, в Петербурге, посетив несколько кафедр и лабораторий, с которыми у нее были деловые связи, Наталья Васильевна лишний раз оценила бьющую в глаза разницу между ее собственной, прекрасно оборудованной лабораторией и тем запустением, в котором приходилось вести исследования ее многочисленным друзьям по науке. А ученые советского времени, ныне уже пенсионного возраста, те, чьими работами она восхищалась, еще когда была студенткой, теперь вызывали у нее чувство стеснения и неудобства за то, что ходили на работу в купленных двадцать лет назад платьях, за то, что носили обшарпанную обувь со стершимися подметками, за то, что на их лицах застыло печатью выражение обиды и непонимания. И оживлялись эти люди только тогда, когда речь шла действительно о науке. О научных проблемах, что составляли смысл и соль их жизни. И Наталья Васильевна как нельзя ясно понимала, что материя может умертвить плоть, но дух настоящего мыслителя – никогда. И она даже втайне гордилась собой, что не пошла по гораздо более легкому пути чистой коммерции – зарабатывания денег на простом введении у больных исследований, которые были недоступны раньше. Она не утратила самого духа исследовательской работы, и наряду с введением новых методик в ее лаборатории разрабатывались и новые научные направления. И работы ее были очень серьезными – больные аллергическими ринитами и бронхиальной астмой чувствовали себя

счастливицами по сравнению с теми, у кого борьба шла не за здоровье – за жизнь. Эти пациенты выделялись сдержанными, сосредоточенными лицами. Они уже были готовы принять любой результат, согласиться на самую рискованную методику и на самую тяжелую операцию. Зато потом, когда в результате лечения лица их расправлялись, светлели и в глазах появлялась надежда, они несли по знакомым приятные вести о своих чудесных исцелениях, а эта реклама из уст в уста, как известно, гораздо надежнее броских объявлений в самых дорогих глянце-вых журналах. Собственно, на таких результатах и основывалось материальное благополучие лаборатории. Именно тем, как продлить эти результаты на возможно большее количество лет, и была сейчас озабочена Наталья Васильевна. Именно этим и занималась она, продолжая свои наблюдения в виварии. Об этом же трещали наперебой в лаборатории ее аспиранты, заваривая в колбах чай и треская бублики. Сама Наталья Васильевна им немного завидовала – в ее времена не было ни Интернета с доступом к любой литературе мира, ни возможности шлепать диссертации на компьютере, сразу же, по мере надобности, их исправляя. Во времена Натальи Васильевны услуги машинисток стоили дорого, и сами эти служительницы пишущих машинок были в большинстве своем капризны, будто примадонны оперных театров. Просьбы о внесении исправлений в текст были делом немыслимым и считались для них чуть ли не оскорблением. Теперь можно исправлять самому сколько угодно, чем ее аспиранты и занимались. И только Женя Савенко был в лаборатории сам по себе. Он не относился ни к категории педантов, ни к парадоксальным ученым. Без сомнения, очень способный, он все-таки производил на Наталью Васильевну впечатление человека, находящегося не на своем месте. Аспиранты тоже его недолюбливали, не принимали за своего. С другой стороны, он был и старше их всех. Пришел уже после работы в больнице и после армии. Научные сотрудники из тех, кто знал Женю со студенческих лет, дали ему смешную кличку – Кружков. Потому что когда-то, будучи студентом третьего курса, он пришел в лабораторию и у всех, кто в ней находился, громко спросил:

– Где тут у вас кружок?

Наталья Васильевна, которая тогда была простым научным сотрудником при Льве Андреевиче Мытеле и работала в этой же лаборатории, уточнила:

– Какой кружок? Кройки и шитья?

Почему-то тогда все захохотали.

Внешностью Женя ужасно походил на Шварценеггера и даже был подстрижен точно так же, как он.

– Молчи, тупица! – сказал он в ее сторону. – Где тут у вас кто-нибудь посolidнее?

И все захохотали еще громче. И сама Наталья Васильевна хохотала тогда, держась за бока, и никак не могла остановиться. Никогда еще в жизни никто не называл ее тупицей. И кроме того, большинство сотрудников уже чувствовали, что скоро-скоро Льву Андреевичу придется подвинуться.

В общем, в разгар веселья в лаборатории появился сам Лев Андреевич собственной персоной.

– Тут молодой человек какой-то кружок ищет! – пропищала в ответ на его удивленный взгляд самая маленькая аспирантка, Юля, которую вообще с трудом можно было сразу заметить из-за штативов высокого лабораторного стола.

– Спортивных танцев? – спросил Лев Андреевич, потому что в другом крыле корпуса находился спортзал, и дважды в неделю оттуда доносилась ритмичная музыка и громкий счет тренера танцоров. Замолкнувший было смех возобновился с новой силой.

– Я председатель студенческого научного общества, – сообразив, что сказал что-то не тому и не так, пояснил свое присутствие в лаборатории Женя. – Мне поручили сделать доклад о самых перспективных направлениях в иммунологии. И посоветовали взять интервью у кого-нибудь в вашей лаборатории. Я думал, тут студенты работают.

– А-а! – облегченно вздохнул Лев Андреевич, который не любил присутствия в лаборатории незнакомых людей. Он все время ожидал какого-либо подвоха. Не отличающийся особо перспективным в научном направлении умом, Лев Андреевич одинаково дорожил своим местом и собственным спокойствием. – Тогда вам надо к Наталье Васильевне! – И он как раз указал рукой на ту, с кем Женя вначале так небрежно и грубо обошелся. – Это она у нас самый перспективный сотрудник! – Не забывая выпячивать работы Натальи Васильевны по всяким пустякам вроде заседания какого-нибудь студенческого общества, Лев Андреевич упорно замалчивал полученные ею результаты на всех сколько-нибудь важных медицинских форумах.

Женя Савенко, увидев, кому ему предстоит задавать вопросы, зарделся от смущения. Наталья Васильевна отсмеялась и больше об инциденте не вспоминала. А потом Женя и сам пришел заниматься наукой в их лабораторию. С тех пор прошло уже несколько лет, а Женино прозвище, Кружков, так и прикрепилося к нему намертво.

Наташин доклад на нынешней конференции, как и в большинстве случаев, вначале вызвал в зале полную тишину, а потом оживление. После доклада задавали вопросы и президиум забросали записками с просьбами предоставить возможность выступить в прениях.

«Хорошо выступила», – подумала Наташа, но внутреннего удовлетворения на этот раз не ощутила. Этот доклад для нее самой уже не содержал ничего нового; был повторением того, что в прошлом году она уже отработала на публике в Москве и три месяца назад на международном симпозиуме в Балтиморе. Тем не менее все вопросы она выслушала внимательно: довольно часто в вопросе содержится мысль, которая потом в результате обсуждения оформляется в идею. После прений по ее докладу был объявлен перерыв. Наташа спустилась с трибуны в зал, где ее поджидал Нирыбаниямсо.

– Все-таки преподавание в вузе имеет большое влияние на манеру говорить, – с улыбкой сказал он, пожимая ей руку. – Я всегда восхищаюсь четкостью вашего изложения – просто хочется записать конспект, как на лекции.

Наташа улыбнулась ему благодарно.

– Хотите пойти прогуляться после обеда?

– Не гуляка уж я теперь стал, деточка! – добродушно засмеялся ей в ответ Нирыбаниямсо. – Слава богу, скоро стукнет семьдесят восемь. Мне бы подали машину к подъезду и в гостиницу отвезли полежать! А тут еще надо на второй части сидеть. А уж завтрашний банкет и вовсе для меня непосильное испытание. Но придется все-таки идти – хочется потусоваться рядом с молодежью, понять, о чем они рассуждают, о чем думают. Хотя, честно вам скажу, в мое время молодежь была, мне кажется, умнее.

Наталья Васильевна засмеялась:

– Подумать только! И мне тоже начинает казаться, что и мои сверстники были умнее, чем нынешние. Неужели так подступает война отцов и детей?

– Так подступает старость, к сожалению, – ухмыльнулся заместитель. – И хотя к вам ни в коей мере это замечание не относится, тем не менее ваш слегка усталый вид мудрой Минервы должен насторожить, по крайней мере, вашего мужа.

Наташа опустила глаза. Да, мужа, конечно, насторожит. Ей вспомнился вчерашний женский голос из телефонной трубки. «Он в ванной!» Интересно, Наталья зло усмехнулась, до того он был в ванной или уже после? Когда только успел... Она ведь уехала без предупреждения. Значит, позвонил старой приятельнице. Не с улицы же притащил домой проститутку?

– Тогда пойдемте обедать.

Наталья Васильевна взяла под руку старика и отправилась с ним вниз. В столовую, которую на время конференции превратили в ресторан. И ее совершенно не раздражало, что от старости у него уже тряслись руки и из-за этого он обсыпал хлебными крошками весь пиджак, а жевал долго, странно шевеля во рту неповоротливым языком.

Наверное, у него плохой зубной протез. И заботится о нем некому – жена умерла. Щемлящая жалость к Нирыбаниямсо затопила ей сердце. «С кем же он, бедный, живет? Кто ему готовит еду? Хорошо, если он управляется дома сам. Какое счастье, что мои родители пока вместе...»

Тут перерыв окончился, и они неторопливо вернулись в зал.

4

Хорошо было мчать по шоссе! Ни о чем не думать, только следить за дорогой и наблюдать, как уплывают назад извилистые речушки и зеленые рощи, покрывающие холмы. Как мрачноватые ельники близко подступают к дороге, как серая змея асфальта внезапно вырывается из их плена, и взгляду открываются просторы, поля, деревни... как колокольни церквей то прячутся, то возникают за купаи деревьев в туманном воздухе.

Славик Серов с детства мечтал о машине. Автомобиль ему с давних пор представлялся не транспортным средством и уж вовсе не престижной собственностью, а металлической скорлупой – островком свободы, заменяющим собственную квартиру. Этакий домик на колесах, в котором можно быть независимым и передвигаться в пространстве, считаясь только с правилами уличного движения.

Славик Серов не любил считаться с условностями и, еще учась в школе, не боялся высказывать мысли, идущие вразрез с общепринятым мнением. Он с уважением относился к тому, что считал проявлением собственной свободы, но, что еще более ценно, не забывал, что его свобода заканчивается там, где начинается свобода кого-то другого. Иногда ему приходилось отстаивать свою точку зрения кулаками. Драк он не любил, но и не боялся. Он был жилист, длинноног и прыгуч и законно лидерствовал на всех волейбольных площадках их района.

– Ты поступай в институт физкультуры, Славик, – советовал ему преподаватель после каждого удачно проведенного матча. – Не будет проблем, с руками оторвут!

Но Славик не хотел поступать в институт физкультуры. Он твердо решил стать врачом.

Его мама служила библиотекарем в профессорском зале Центральной научной медицинской библиотеки, и обаятельный стройный молодой человек – ее сын, ее гордость – изучал после школы физику, химию и биологию рядом с теми, кто писал эти книги. Он был пленен искренней учтивостью тех, кто занимался в этом зале, их способностью получать наслаждение от чтения научных книг, независимостью их мыслей.

«Даруй мне тишь твоих библиотек...» – это было про него. Когда Наташина дочка скачивала учебники из Интернета, это казалось ему суррогатом чтения – все равно что есть пластиковую колбасу.

Часто он помогал матери носить из хранилища тяжелые стопки журналов и книг. Иногда корифеи обращались к нему с полушутливыми разговорами, он с радостью внимал и впитывал в себя каждое слово. Естествознание как метод восприятия мира являлось его стихией. Он умел наблюдать и сам был замечен. Так составились его первые научные связи.

К чему упоминать, что он имел доступ к лучшей, самой современной литературе, которая только была в стране. Но к чести его нужно отметить, что семена учения падали на благодатную почву. И выпускник лучшего в стране медицинского вуза, Славик Серов получил прекрасное классическое образование не только из-за того, что аккуратно посещал все лекции и практические занятия, а скорее потому, что повседневно жил в хранилище медицинских книг, впитывая знания, как юный зеленый мох пьет дождевую влагу со скал.

Он не был застенчив. Держался спокойно, был аккуратен в одежде, на занятия ходил в накрахмаленном и тщательно отутюженном халате, в безупречно чистой рубашке и в галстуке. И когда Слава, не боясь за предстоящие экзамены и зачеты, вступал с преподавателями в научные дискуссии, некоторые считали его выскочкой, другие – ученым занудой, а отдельные девичьи сердца замирали в предвкушении сладкого восторга. Но он разводил дискуссии не для того, чтобы прослыть самым умным, очаровать девушку или усть преподавателя. Он хотел стать специалистом. Он хотел взять от института все, что тот мог дать. При этом Серов был, безусловно, честен, и многие знали, что могут на него положиться.

Природа вовсе не обидела его внешностью. У него было тонкое лицо, умные глаза, светло-русые волосы. Но недостаток заключался в том, что двадцать лет назад выражение лица Славы было постоянно ужасно серьезным. Он не мог беззаботно смеяться. Он не позволял себе никакой сентиментальности. Он никогда не расслаблялся в кругу друзей. Он, наверное, мог убить того, кто посмел бы над ним посмеяться. С огромным напряжением все институтские годы он таскал за собой тяжкий комплекс неполноценности от скудности своей материальной жизни. Другие, смеясь, не стесняясь, открыто считали копейки на обед в институтской столовой, занимали до стипендии по рублю, рассказывали, как грузили мешки на вокзалах, он же всегда хранил непроницаемое молчание. Никто никогда не слышал от Серова разговоров о деньгах. Почти никто, кроме друга Валерки, не знал, как и где он живет.

Если бы кто-нибудь знал, как он ненавидел их с матерью бедность! Темную комнатенку в коммунальной квартире, где Славик провел детство. Как мучительно он любил свою мать, всегда выглядевшую испуганной, одинокой, несчастной. А потом вдруг, учась уже на пятом курсе, ни с того ни с сего стал на нее ужасно злиться. Его стали стеснять ее обожающие глаза. Ему казалось, что они всюду с маниакальной настойчивостью следуют за ним.

«Оставь меня в покое!» – хотелось ему кричать. А мать его ни о чем и не спрашивала, ничем не мешала. Она молча его обожала. Славу же раздражало даже то, что она двигалась по комнате тихо, как мышь, то боясь его разбудить, то боясь ему помешать.

Он ненавидел нищенскую обстановку, свой единственный костюм, деньги на который заработал сам, сбивая в кровь тонкие руки в строительном отряде. Он чувствовал себя виноватым, видя, как мать стареет и угасает, будто отдавая ему по мере его взросления свои жизненные соки, но ничего не мог поделать со своим раздражением. Ему даже казалось, что, будь мать алкоголичкой, какой-нибудь легкомысленной птахой, нисколько не заботящейся о нем, ему было бы с ней легче. А пока, возвращаясь с учебы, он глотал сиротский обед, в котором мясо попадалось от силы раз или два в неделю и то только для него. Ему было невыносимо думать, что мать сама мясо не ела, объясняя это нежеланием. То нарушать пост, то советами знакомого по библиотеке профессора, но он-то знал, что все эти советы – от бедности. Он злился сам на себя, что не мог ничего изменить. Учеба в институте была такой плотной, такой насыщенной, что работать дополнительно он смог только после третьего курса, и все им заработанные деньги мать тратила на него же. «Главное было – стать специалистом», – внушала мать. Пойдут больные, будут и деньги. И Славик сам это видел. Он, стиснув зубы, ждал. Ждал, пока пройдут долгие и мучительные семь лет. Прежде чем он действительно сможет стать врачом.

Наблюдая жизнь беспечных однокурсников из благополучных семей, он считал бесполезным пенять на изначально заложенную несправедливость при самом уже появлении ребенка на свет. После изучения психиатрии Славик понял – мать раздражала его довлеющим над ней комплексом вины за то, что он явился на свет без отца, от матери-одиночки, за то, что она не может ему дать того, что другие дают своим детям. Поддержки у нее не было никакой и нигде. Она сама-то – сирота, подкидыш, прошедший детство в детском доме. И хотя она всегда утверждала, что сын – единственный источник радости в ее жизни, ему хотелось бы избавить мать от себя, от чувства беспомощности и постоянного страха за него. Вместе с тем Слава понимал, что, по большому счету, несправедлив, что у него в жизни был огромный плюс – беззаветная любовь матери, которой иногда более благополучные его товарищи оказывались лишены. Но при этом ему было странно сознавать, что любовь – чувство, которым все привыкли восхищаться, превозносить до небес, оказывалась на деле каким-то занудством. Как человек по натуре незлой, он не мог причинять матери дополнительные страдания. Поэтому всегда приходил домой ночевать; если задерживался, то звонил ей на работу, а вечерами, сидя за учебниками, наблюдая, как она ему вяжет очередной некрасивый шарф или свитер, Славик иногда рассказывал ей какие-нибудь медицинские байки и видел, как она была от этого счастлива.

Иногда ему даже хотелось, чтобы у них в комнате появился бы наконец какой-нибудь крепкий мужик – материн хахаль, с которым он мог бы выкурить пару крепких сигарет и тяпнуть водки. Но мать и слышать об этом не хотела.

– Мне никто не нужен, кроме тебя! – говорила она. – Ведь ты у меня такой красивый, умный, замечательный! – Она робко протягивала руку, чтобы погладить сына по голове, а он инстинктивно вывертывался. Ему было неприятно прикосновение ее сухой, шершавой от дешевого мыла, неприятно пахнущей руки. Чтобы скорее встать на ноги, он проявлял в учебе бешеное рвение. В общем, как отметили бы все без исключения служители самых разных религиозных культов, Славик Серов с детства был непомерно горд.

Именно потому, что он был горд, в него влюбилась его однокурсница, редкостная красавица, натуральная блондинка с ангельскими глазами, первая модница курса. Внешность и элитарность ее семьи его ослепила. Роман оказался скоропалителен. Заявление в загс было подано без знакомства с родителями. Когда родители невесты осознали, что дочь их беременна неизвестно от кого, они все-таки решили устроить свадьбу. Впрочем, когда дело действительно дошло до свадьбы, Славик уже очень сомневался, стоит ли ему являться на торжество. А полностью свою ошибку понял на следующий день после шикарной свадьбы, устроенной в «Праге» на деньги высокопоставленного тестя.

Его наивная мама-библиотекарша пригласила новых родственников посидеть у них дома в скромной, уютной обстановке. Новые родственники недоуменно переглядывались, с трудом размещаясь в их нищенской, длинной, как пенал, комнатенке и справедливо подразумевали только одну возможную причину такой скоропалительной свадьбы. Мещане, они не понимали, что Славика Серова подвигла на этот брак вовсе не случайная беременность невесты, а, напротив, ее ангельская чистота – до него Лилька оказалась абсолютно невинной в ее-то двадцать три года при всей ее томности, нарядах и очень соблазнительном личике. В те годы это являлось странным и необычным. Как порядочный человек, Славик счел своим долгом жениться.

Потом, через несколько лет, он уже издевательски звал жену по-латински – «табула раса», что в переводе означало «чистая доска», что имело двойной смысл. Лиля в институте училась неважно, к латинским пословицам, поговоркам и крылатым выражениям пристрастия не имела, и поэтому ей хотелось думать, что муж называет ее как-то вроде «невинной розы». Плохо было то, что Славик так и не сделал ее страстной женщиной. И после нескольких лет брака она была в постели равнодушна так же, как и в первое с ним соитие – украдкой, в ее комнате, в те жалкие дни подготовки к сессии, когда родители Лили уезжали на дачу, оставляя ее готовиться к экзаменам.

А тогда, на второй день свадьбы, все вежливо выпили «за любовь, которая сметает все объективные доводы рассудка», как помпезно провозгласил тесть. Славикова мать с восхищением смотрела, как этот заплывший жиром тупица покровительственно похлопывает по плечу ее сына и «со всей ответственностью» заявляет, что в награду за исполнение желаний его дочурки, пожелавшей выйти замуж за бедняка, он поможет зятю пробить в жизни дорогу. Сказано это, разумеется, было деликатно, не этими точно словами, но смысл их был совершенно такой. Кровь отхлынула от и без того бледных щек Вячеслава Серова. Именно в этот момент он навсегда избавился от комплекса неполноценности.

«Увидим», – про себя решил он.

И предложил выпить за мать. Глаза ее засияли от слез, гордости и восхищения сыном. Присутствующие равнодушно похлопали.

«Господи, помоги ей! – подумал про себя Вячеслав. – Плакать перед этими людьми! Наивная и глупая!»

Он не ответил на покровительственные улыбки, а про себя решил: что бы с ним ни случилось, к матери домой он не вернется. Серов хотел, чтобы с его женитьбой она получила свободу от заботы о нем и устроила свою жизнь.

И Лильку он решил забрать из семьи родителей. Он даже потрепыхался несколько дней, пытаясь найти съемную квартиру. Но так как деньги за съем просили тогда для него неподъемные и Лилька в преддверии родов хотела остаться жить в своем доме, то Славик, скрепя сердце, согласился жить с тестем и тещей. Но все-таки сразу установил такой порядок, чтобы молодые хоть и в одной квартире со старыми, но жили как бы отдельно. Еще податливая тогда Лилька с радостью согласилась.

Однако все оказалось совсем не так, как хотелось Славику. После рождения ребенка Лиля сблизилась с матерью еще больше и мечтала, чтобы и Слава тесно влился в их семью. Своего папочку она, как выяснилось, обожала. С матерью обсуждала буквально все, что случилось в их жизни, – любые события, самые мелкие впечатления.

– Смотри, смотри! – иногда кричала Лиля истошным голосом матери, та подбегала как на пожар, а потом выяснялось, что весь этот крик и шум случился из-за кошки, ненароком пробежавшей мимо окна.

Но самое главное, что тесть и теща, как выяснилось, стали потихоньку оттеснять зятя от участия в воспитании сына. Сначала под предлогом того, что Славе и Лиле надо сдать госэкзамены, потом – надо поступать в ординатуру... В результате все свелось к тому, что, когда Серов приходил домой, мальчик – чистенький, пухленький, одетый как куколка, – уже спал, а когда уходил – еще спал.

Даже ночью к ребенку вставала теща.

– Ты не умеешь... ты не знаешь... тебе завтра рано вставать, – говорила она вначале их с Лилькой совместной жизни. Потом ее высказывания стали более резкими:

– Отойди. Не мешай.

Славик не мешал. Но чтобы получить материальную независимость, он отказался от престижного места в аспирантуре, потому что на аспирантскую стипендию нельзя было жить даже одному. В аспирантуру любезно пригласил его старый профессор-физиолог, прекрасный и добрый человек, которому Серов еще со школьных времен с восторженным интересом внимал в курительном закутке медицинской библиотеки. И, отказавшись от научной деятельности, Славик стал зарабатывать деньги нелегким трудом врача-офтальмолога, работая день и ночь в больнице, в поликлинике и еще дежуря два-три раза в неделю.

Правда, тесть нашел ему место организатора здравоохранения. Славик отказался. Положительного отклика в семье жены опять-таки это решение не вызвало. В отношениях с новыми родственниками наметились непонимание и некоторая холодность. Зато именно благодаря своей твердости, постоянной и обширной практике и прекрасной теоретической подготовке через несколько лет Вячеслав Серов стал первоклассным глазным хирургом. И вот тогда его друг-покровитель, старый профессор физиологии, и открыл перед ним двери лучшей в Москве глазной клиники. Когда-то давно, в бытность аспирантом, будущий директор этой глазной клиники брал у своего приятеля-физиолога сухожилия из хвостов отработанных крыс для своей научной работы. Между прочим, сухожилия из крысиных хвостов – прекрасный и дорогой шовный материал для микрохирургических операций.

Пока молодой доктор занимался самосовершенствованием, его жена, ясноглазая блондинка, сильно располнела, стала тяжела на подъем, часто болела, а в последние годы их жизни все время закатывала мужу истерики.

К сожалению, а может, и к счастью, жизнь устроена так, что на каждом решении, принимаемом в ту или другую жизненную пору, висит картонная бирка с витиевато выписанной ценой. У Вячеслава Серова платой за самостоятельность стала полная оторванность от него его собственного сына.

И умом, и внешностью сын уродился в женину родню и был такой же тяжелый, одутловатый, неповоротливый, как дедушка и мать. Славик, как ни старался, не мог найти с ним общий язык. Да и некогда особенно было искать. Сначала Славик переживал: не такого детства он

хотел для своего сына, а потом смирился. Теща с зятем вела себя сдержанно и разговаривала неохотно, так как, в свою очередь, считала, что совсем не такой муж нужен ее дочери. Внука она берегла – от простуды, от чрезмерных занятий, от футбола, от посторонних влияний, от другой бабушки. Тесть все еще работал. Сын не нуждался ни в чем. А был ли он счастлив? Славик не мог понять. Этот полный потливый мальчик не расположен был говорить о высоких материях. Как Славик понял, бабушка научила его считать себя хорошим мальчиком только на том основании, что он съедал за завтраком всю кашу без остатка, а за обедом весь суп.

Если Славик вдруг заговаривал с мальчиком «о жизни», тот спешил перевести разговор на что-нибудь конкретное. Например, на то, каким будет его подарок к Новому году или ко дню рождения. И с каждым днем Вячеслав Серов чувствовал все острее, что если раньше его истинным домом была медицинская библиотека, то теперь уверенность и покой он обретал, только открывая двери своего больничного отделения.

Он не стремился к административной работе. Его истинной страстью стала хирургия. За короткое время он освоил все виды операций, все возможности усовершенствования, все модификации методов, всю диагностическую аппаратуру.

Теперь в глазной хирургии Вячеслав мог все. Нашла его и награда. Больные обращались к нему по знакомству. В знак благодарности ему стали приносить пухлые конвертики с деньгами, перед ним открылись двери складов и магазинов. Славик получил все, чего ему так не доставало в молодости. И вдруг пришло время – он заскучал. Прекрасные костюмы без движения висели на плечиках в шкафу, рубашки пылились в девственно-целых целлулоидных оболочках. Когда-то необыкновенно щепетильный в одежде, Серов перестал носить галстуки. Он купил себе куртку, черный шерстяной свитер и вместо туфель – мокасины, и они, часто разношенные и нечищенные, свободно хлюпали у него при ходьбе, создавая впечатление шаркающей стариковской походки. Хуже всего было то, что после операций он стал выпивать.

Сам не понимая теперь, чего хочет в жизни, Вячеслав Серов ненавидел жизнь по расписанию, принятую в семье его жены. У тех было строго установленное время подъема, принятия пищи и отхода ко сну. Когда Слава засиживался с книгой или журналом за полночь, его жена вставала и выключала свет.

– Бай-бай пора маленьким мальчикам! – говорила она и поворачивала выключатель.

Тогда он уходил в ванную. Закрывал дверь на задвижку и включал воду. Шум воды успокаивал его и придавал мыслям философское направление. Пока Серов успокаивал себя, его жена успевала заснуть. Тогда он снова включал свет в кухне и читал, сколько хотел. Спорить можно было с кем угодно, только не с ней.

– Ну не будет же мальчик отрицать пользу режима? – широко раскрывала она голубые глаза, и Вячеславу не хотелось говорить жене, что, несмотря на строгое соблюдение режима, к тридцати годам она превратилась в рыхлую неопрятную курицу и вот уже несколько лет, как он не хочет ни говорить с ней, ни спать.

Вообще-то с Лилькой можно было поговорить – о пользе правильного питания, о том, как трудно быть женщиной, о том, как много на свете разных опасностей и болезней. Нельзя затрагивать было две темы – это обычно заканчивалось сморканием и слезами: о роли ее папы в жизни их семьи и о воспитании сына. Славик не затрагивал этих тем. За «папочку» он вообще был спокоен, несмотря на смутные времена, тесть с завидным постоянством пересаживался из одного начальственного кресла в другое. Что касается сына – тут сотрясать воздух было тем более бесполезно, он все равно ничего не мог изменить. Серов уходил от этих тем. По-прежнему много времени он проводил в больнице, довольно часто навещал мать, а временами напивался с институтским другом Валеркой – теперь тоже хирургом, но полостным, из военного госпиталя, – напивался так, что не мог вечером добраться до дома.

У него сильно испортился характер. Он стал ворчлив, мешковат и выглядел старше своих лет. А однажды сделал глупому подростку в метро какое-то замечание с такой яростью, что

за подростка вступились пассажиры. Вспетушившийся подросток вспылал в ответ, и Славик уже представил себе удовольствие, с каким размахнет его по стене вагона, но вдруг посмотрел на себя как бы со стороны. И вдруг понял, что должен прямо сейчас что-то изменить в своей жизни. Он вышел из поезда, вообще вышел из метро на какой-то ненужной и плохо знакомой ему станции и долго курил на улице. Больше его жизнь так продолжаться не может. Иначе он сопьется, превратится в старого брызгу, в одутловатого пьяницу или повесится. И он решил завербоваться и уехать куда-нибудь. Хоть на Север.

Бывшая красавица почувствовала развязку и кинулась к отцу в последней попытке удержать мужа. Она просила выхлопотать ему местечко не в суровом, холодном климате Норильска, а где-нибудь за границей – в Африке, в Азии, все равно. Она боялась, что из районов Крайнего Севера он к ней не вернется – слишком суровы там нравы и тяжелы условия. А трудности, как известно, сближают. Никто бы там не помешал какой-нибудь медсестричке увести у Лили мужа. Заграница – другое дело. Не каждый отважится там на амурные похождения – неусыпное око не дремлет, враз можно вылететь с тепленького местечка. Мысли ее были сугубо конкретны и прямолинейны. Папа и тут помог дочке, выполнил ее просьбу. Дело оказалось улажено. Серов понимал, что должен был отказаться. Но, презирая себя за малодушие, согласился под прозрачным предлогом того, что обучать других гораздо полезнее для общества, чем делать какую-то, пусть и сложную, работу самому. Недовольный собой, и женой, и тестем, и совсем уж ни в чем не повинной тещей, он выучил французский язык и уехал преподавать глазные болезни в Лаос. Вот там, в Лаосе, Вячеслав и познакомился с Наташей Нечаевой...

Пейзаж за окном изменился, стал более плоским. Славик Серов уже давно миновал Тверь. Он решил остановиться перекусить. В придорожном кафе из горячих блюд были только котлеты и макароны. На улице кавказец в несвежем фартуке готовил мангал для шашлыков. Дрова на этом ритуальном костре еще только начали разгораться. Зато на улице, вдоль дороги, царило неведомое ранее изобилие. Около булочек с сосисками, политыми томатным соусом из грязноватых банок, красовалась надпись на чистейшей кириллице: «Хот-доги». Какой-то чернобровый за кассой лениво считал деньги и даже не взглянул на Серова. Тот тоже не захотел вступать с ним в переговоры и повернул к другому киоску.

Пока он рассматривал вакуумные упаковки с ненатурально розовой колбасой и желтые кирпичи вязкого сыра, ко входу в магазинчик подрулила бабка с корзинкой зеленых мелких яблок и свежей зелени. Пучок укропа разрешил сомнения Вячеслава Сергеевича. В придачу к нему он купил в киоске круглую булку, пачку крабовых палочек и плоский пакетик майонеза.

На улице под покосившимся зонтиком-тентом, среди крошек и пивных луж на пластмассовой крышке стола пиروвала компания мух. Из граненого стакана выглядывали ненатуральные сиреневые цветы. Вячеслав Сергеевич поискал глазами другое место, но дальше располагался сомнительный терем-теремок на площадке, возле которого расположились сразу три огромных внедорожника, а с другой стороны стоял закрытый газетный киоск. Выцветшие обложки за стеклом представляли полуголых девиц на все вкусы и случаи жизни. Славик скользнул по их выпученным губкам и бюстам равнодушным взглядом и вернулся в машину.

Ел он прямо за рулем, подстелив на колени месячной давности «Московский комсомолец». Ему хотелось шашлыка, или рыбы, или, на худой конец, жареных пирогов с картошкой, но здесь ничего этого не было, и пришлось жевать с укропом холодные крабовые палочки, бледные, как ноги покойника. Серов с удовольствием выпил бы кружку пива или бокал вина, но за рулем он этого себе не позволял и ел поэтому всухомятку.

Пока он сидел, зона хорошей погоды улетучилась назад к Москве, и небо стащило с себя лазоревый сарафан, поменяв его на унылую мышиную шкурку. Первые мелкие капли дождя стукнули в ветровое стекло.

– Ну, это вообще-то не дождь! – сказал Вячеслав Сергеевич вслух сам себе и улыбнулся, вспомнив далекую тропическую страну и тот день, когда он впервые увидел свою будущую вторую жену.

5

Изысканно-прохладное балтийское лето обычно устанавливается в Санкт-Петербурге к концу июня. Не обмануло оно и на этот раз. Мало того, оно еще и порадовало Наташу тем, что на второе утро после ее приезда в Северную столицу во всем городе одновременно – во всех парках и садах, вдоль набережных и по бокам улиц, – бурно зацвела липа, и ее медовый аромат заполнил собой город. Этот запах ворвался в открытое Наташино окно, закружил, завертел сладостным преддверием счастья. И благодаря этому аромату забылось предательство – что оно, первое было, что ли? Исчезло ощущение потерянности, и, наоборот, пришла уверенность в себе, уверенность в том, что она вызывает интерес, в том числе и у мужчин. Другое дело, что мужчины Наталье Васильевне не нравились: мерзкий темный человек, мучающий ее, был мужчиной. Но, по крайней мере, в этот вечер аромат лип вызвал у Наташи приподнятое настроение – смутно в памяти замелькали воспоминания о том счастливом времени, когда надежды делали действительность менее противной, родители давали ощущение защиты, а тело было легким. Ах, каким же легким было тело!

Когда в пять часов вечера после последнего заседания Наташа вернулась в гостиницу для того, чтобы переодеться к банкету, принять душ и полчаса подремать, ворвавшийся в окно медовый сладкий запах прошептал ее отражению в зеркале: «Все будет хорошо! Все будет чудесно еще в твоей жизни!»

Банкет должен был состояться в небольшом, но респектабельном ресторане в семь. С Выборгской стороны ехать до него минут тридцать. У Наташи еще оставалось время. Она шлепнула на лицо маску из водорослей и прилегла. Темно-синий, переливающийся шелком брючный костюм, который она привезла из Италии, уже дожидался ее на стуле. Туфли-лодочки из мягкой кожи не жали. Сумка была той же фирмы, что и туфли. К черту Серова! К черту непонятного черного человека! Она сделала свою работу хорошо. Сегодня вечером она будет отдыхать.

Перед выходом из номера Наташа для удачи плюнула три раза через плечо и взглянула в зеркало. Из темноты коридора гостиничного номера на нее уверенно смотрела очень красивая женщина не старше тридцати лет – длинноногая, стройная, изящная. Наташа осталась довольна собой.

«А может, все-таки позвонить Алексею? – подумала она, на секунду задержавшись перед зеркалом. – Выгляжу хорошо, не стыдно показаться старому знакомому...» – Она повернулась к зеркалу спиной и вышла из номера. В лифте взвесив все «за» и «против», Наталья все-таки решила: не стоит. Старого не вернешь, зачем зря трепать нервы? Лучше расслабиться на банкете и, может быть, потанцевать. Давно она уже не танцевала, подумала Наташа, сдавая ключ от номера все той же, уже знакомой ей, опять заступившей на смену дежурной.

Наташина машина дремала под цветущей липой в гостиничном дворе. Крышу и капот запорошили крошечные желтые комочки.

Как от мимозы. Женщина вдохнула полной грудью и положила в рот мятную лепешечку жвачки. Привычку время от времени жевать жвачку Наташа переняла от своего сотрудника Жени Савенко, и каждый раз, ощущая на языке щиплющую мятную свежесть, она вспоминала этого молодого человека.

«Бедный Женя! – подумала она в этот раз. – Ему так хотелось поехать, а я его не взяла. Может быть, напрасно! Но я же заботилась не только о собственной репутации... Мне не хотелось, чтобы и об этом мальчике шли в лаборатории досужие разговоры».

Усевшись, Наташа включила двигатель. Автомобиль заурчал, готовый мчать свою хозяйку на край земли. Она привычным движением потянула ремень безопасности, защелкнула его в крепеж, проверила, на месте ли сумка с документами, кошельком, записной книж-

кой, и тронулась с места. У поворота на Ушаковский мост под красным глазом светофора она уже дрожала от нетерпения, от возбуждения скоростью, от свежего ветра, врывавшегося в окно ее машины. И как только сменился сигнал светофора, она рванулась в дикой стае ревущих машин через Каменный остров к центру, держа скорость вместе со всеми. Пробок, к счастью, не было. Светлой стрелой пронесся под колесами Каменноостровский проспект. Пролетел за правым окном, мелькнул и исчез мрачный кронверк Петропавловской крепости, и мимо его толстых стен, не задерживаясь нигде, Наташа вынеслась на ажурную дугу Троицкого моста. Тут она не смогла удержаться и взглянула направо. Здание Биржи на стрелке Васильевского острова, вдалеке, в дымчатом мареве воздуха и воды, было великолепно именно так, как Наталья помнила. Стрелка и Каменный остров являлись любимыми местами ее отца. Стрелку Наташа помнила с раннего детства, а вот на самом Каменном острове ей пришлось отдохнуть три или четыре года назад.

Тогда по приглашению влиятельных знакомых она провела здесь на одной из бывших партийных дач незабываемую неделю. Дальнейшая дружба с этими знакомыми не сложилась – приглашение было сделано в знак благодарности за консультацию, а Наташа всегда тяготилась такими отношениями. Потом же она узнала, что эти люди всей семьей уехали жить за границу. Но та неделя на живописном архипелаге островов, возлежащих среди почти недвижной воды и соединенных между собой нежными дугами мостов, переплелась в ее памяти с детскими прогулками по острову с отцом.

У ребенка было тяжелое заболевание крови. Она согласилась приехать. За ней прислали длинную черную машину.

– Куда мы едем? – спросила она у шофера.

– На Каменный остров.

Услужливая память вытащила из неведомых глубин образ маленького императора с курносым лицом, для которого строила Каменноостровский дворец всевластная, царственная мать, чтобы удалить до времени нелюбимого и неласкового сына. И одновременно всплыл в сознании высокий военный моряк – ее отец. Он нежно вел ее по всем этим сказочным мостикам и мосточкам и покупал ей в тот приезд все, что она хотела. И мороженое крем-брюле с желтоватой розочкой крема поверх вафельного стаканчика, и плюшевого мишку, которого девочка внезапно увидела в окошке затрапезного киоска, хотя таких мишек было у нее штук двадцать всех мастей и размеров, и немецких пупсов из валютного магазина, и самое главное – прелестные платья для нее и для мамы, каких не было тогда ни у кого из ее подруг. А потом, очень быстро после этой поездки, вещи из валютного магазина кончились, мама перестала мотаться на короткие встречи с отцом то во Владивосток, то в Архангельск. Закончились и разговоры об их возможном переезде в северный порт Северодвинск. Однажды мама объяснила Наташе страшные для отца слова, звучащие приговором: «Комиссован по состоянию здоровья». Отныне они навсегда осели в городе на Волге, откуда все были родом – и она, и отец, и мама. А отцовский китель без движения повис в шкафу, окутанный марлей. Так и висит там до сих пор.

С детства Наташа любила трогать его черное сукно, проводить пальчиком по золотым шевронам, ощущать его запах. Ей всегда казалось, что китель пах морем, хотя скорее всего он пах нафталином. Маленькой, она любила представлять себе, как вырастет и пойдет цветущей весной в красивом пышном платье под руку с отцом по широкой улице, и все встречные женщины будут заглядываться на его красивую форму и сухощавое обветренное лицо морского волка и завидовать ей. И эти мечты сбылись как раз на Каменном острове.

На ее памяти за последние несколько лет отец надел форму, кажется, только раз, когда ездил хоронить своего старого друга, умершего в том самом Северодвинске от лучевой болезни. Хотя был еще один эпизод – в форме он появился на банкете в «Праге» по случаю защиты дочерью докторской диссертации.

Ресторан, к которому подрулила Наташа, оказался не тот. По рассеянности она забыла название, а порывшись в сумке, не обнаружила программку конференции с указанием места, где состоится банкет. Спокойно закрытые двери, равнодушный швейцар у входа сразу навели на мысль, что она ошиблась адресом. На всякий случай Наталья решила выйти спросить.

– Никак нет, не в курсе! – вытянулся перед ней не старый еще швейцар, и Наташа с ужасом и жалостью заподозрила в его выправке привычку бывшего военного.

– А есть на этой улице еще какие-нибудь рестораны?

– Так точно, двумя кварталами дальше тоже есть ресторан. Может быть, там то, что вы ищете.

Наташа поблагодарила и вернулась к машине. Швейцар в позументах скрылся за тяжелой дверью. Наташа повернула ключ зажигания, но двигатель, вместо того чтобы четко и радостно схватиться в ответ, вдруг как-то судорожно захлюпал, зачихал и остановился.

«Вот тебе и на! – подумала Наташа и, безуспешно повторив операцию три раза, прекратила попытки. Машина ее была не новая, но надежная и никогда раньше не подводила. – Что же это такое? Может быть, свечи?» – решила она, панически перебирая в уме достаточно скудные познания в автомеханике. Она посмотрела на свои чистые руки, на свеженанесенный на ногти лак, на безупречную прическу и шелковый итальянский костюм и поняла, что, если все-таки хочет танцевать на банкете, капот открывать не следует ни в каком случае. Наташа вышла из машины и постучала швейцару в окно.

– Не посмотрите, что с моей машиной? – попросила она.

– Не положено отлучаться, но давайте посмотрим.

Пока швейцар открывал капот, Наташа стояла рядом. У него были неуверенные движения и трясущиеся пальцы. Однако лицо его – спокойное, уже морщинистое, с тремя глубокими складками вдоль щек и подбородка все-таки не казалось отталкивающим, а даже вызвало симпатию.

Швейцар проверил свечи.

– Нет, вроде все нормально.

«И не должно бы», – подумала Наташа. Она ведь проехала восемьсот километров – если б что было со свечой – забросило бы сразу же. Правда, заправлялась она в дороге на неизвестной бензоколонке. Может быть, топливо не очень?

– Ну, попробуйте еще раз, – сказал швейцар. Она попробовала, результат оказался тот же. Швейцар развел руками и постоял немного, переминаясь. Наташа дала ему деньги и, бросив кошелек на сиденье, села в машину, задумавшись. Швейцар еще постоял немного, походил вокруг, просунул голову в открытое окно с другой стороны, спросил, не высветилось ли что на электронном табло.

– Ничего не высветилось, – сунулась носом в табло Наташа. Потом швейцара кто-то позвал громким сердитым голосом, и он торопливо скрылся в недрах своего ресторана. Наташа осталась одна.

«Сигнализация вообще ни при чем, – думала она, доставая из бардачка новую упаковку мятной жвачки. Освободив тонкую пластинку от бумажки, Наталья положила ее в рот, а бумажку в сердцах швырнула на соседнее сиденье. – Соображай же, что делать», – ругнула она себя. Не сидеть же вот так в машине всю ночь?

В рассеянности она провела рукой по сиденью, смахнула бумажку на пол, потом полезла за ней – ненавидела мусор в машине.

«Двигатель чихал, значит, искра прошла, контакт был, – Наташа сосредоточилась и стала соображать. – Может, дело в аккумуляторе... – Перспектива вынимать на месте аккумулятор с риском прожечь кислотой костюм ее уж вовсе не прельщала. – К тому же, что мне это даст, если я даже его выну? Если аккумулятор так не вовремя сдох, надо ловить кого-нибудь, кто

может взять на буксир, и ехать в сервис или в автомагазин... – Она посмотрела на часы. Где этот автомагазин, и нужно ли менять аккумулятор?.. – Нет, нужно в сервис. Должен же где-нибудь здесь быть сервис, работающий двадцать четыре часа? Однако разочарование от того, что вместо веселого общества коллег ей придется очутиться в пропахшем бензином и смазкой сервисе, оказалось так велико, что Наташа чуть не заплакала. – Ну, надо же было так не повезти!»

Она уже забыла про одуряющий запах лип и чувство, что жизнь все-таки состоялась. Теперь ей хотелось выйти из машины, броситься на асфальт и застучать по нему кулаками. Только ведь она прекрасно знала, что этим делу не поможешь. Она вздохнула, пошарила по сиденью, нащупывая кошелек, чтобы еще раз обратиться к швейцару за помощью, и ощутила, что внутри у нее похолодело. Поверхность сиденья оказалась совершенно пуста, кошелек не было.

«Я, наверное, бросила его в сумку!» – решила Наташа и потянулась к заднему сиденью. В дорогой сумке из мягкой кожи лежали платок, пудреница, флакончик духов, паспорт и записная книжка. Кошелек не было.

«У меня же еще нет склероза. Я точно помню, как положила кошелек на сиденье рядом с собой».

Женщина посмотрела на полу под сиденьем, откуда доставала бумажку. Все было чисто.

«Швейцар упер, когда я отвернулась! – подумала она и хотела бежать в ресторан, но остановилась, буквально уже высунув из машины ногу. Даже если он и упер, как я это докажу? И тут же сама себе ответила: – Да никак! Он скажет, что ничего не видел».

Наташа решительно взяла сумку с документами и вошла в ресторан. Швейцар как ни в чем не бывало сидел за своей стойкой у самой двери.

– Э-э-э, не знаете, далеко ли пешком до того, дальнего ресторана? – сказала Наташа первое, что пришло в голову.

– Пешком минут двадцать, – с готовностью ответил швейцар.

– Далеко... – пробормотала Наташа.

– А вы возьмите частника, – услужливо подсказал швейцар.

– Дело в том, – Наташа решила пойти ва-банк и проницательно посмотрела собеседнику в лицо, – что, пока мы с вами возились с машиной, у меня кто-то украл кошелек. Ведь я его буквально на минуту оставила на переднем сиденье!

– Ай-я-яй! – осуждающе покачал головой мужчина. – Разве ж можно на переднем сиденье оставлять? Народу по улице вон сколько ходит!

– Да ведь в тот момент к машине никто и не подходил, – настаивала Наташа.

– Разве ж уследишь! – отозвался швейцар и скептически поджал губы. – Вон у нас в ресторане раз случай был...

Наташа Васильевна развернулась, вышла из ресторана и громко хлопнула дверью. Швейцар сначала нахмурился ей вслед, а потом простил ей этот хлопок. Неприятно, конечно, девушке, что кошелек у нее украли. Вот и у него дочка такая же. Никогда ни за чем не смотрит. Интересно, а сумма-то в кошельке большая была?

Наташа опять села в машину и соображала, что же все-таки ей делать. Взять частника и доехать до дальнего ресторана было, конечно, можно. Но где гарантия, что это окажется действительно именно тот ресторан, который нужен? Хорошо, если ресторан окажется тот и Нирыбанимясо приехал на банкет и ждет ее. У него, конечно, всегда можно одолжить денег. А если он отлеживается в гостинице? Ехать к нему в гостиницу?

Наташа рассеянно перебирала вещи в сумочке. Взяла флакончик с духами, слегка провела пробкой за ушами, по шее. Аромат духов окутал невидимым легким шарфом ее голову и лицо. Как много все-таки значат запахи в жизни. Любимые духи – верные товарищи, они умеют подбодрить и утешить. Наташа закрыла глаза и вздохнула. Решение лежало перед ней

в сумке под кожаной корочкой записной книжки. Единственный человек в этом городе мог реально ей помочь. У него наверняка есть «свой» автосервис, в котором ее не обманут, и этот человек вполне мог бы одолжить ей денег. В конце концов, они ведь никогда не были в ссоре, чтобы она не могла позвонить ему в трудную минуту....

Не было бы счастья, да несчастье помогло. Звонить или нет?

Она погладила пальцами обложку записной книжки. Нужная страница открылась сама. Наташа слушала в трубке гудки и улыбалась. Незнакомый мужчина, вышедший из ресторанного зала, разгоряченный вином и сытным обедом, смотрел на нее приглашающим взглядом. Наконец что-то шелкнуло. Ответил резковатый молодой женский голос.

– Алло-о?

И тут Наташе совершенно неожиданно показалось, что ее сердце вдруг необъяснимо замерло и остановилось.

Проспав часа полтора, Алексей Фомин со смущенным видом вышел из спальни. Алена, свернув губы узлом, доставала посуду из посудомоечной машины.

– Ну, я устал, извини, – сказал он жене, но она не ответила. – Чайник поставь! – попросил он тогда, и Алена мимоходом шмякнула по кнопке электрического чайника. Зазвонил телефон. Алена решительно сняла трубку.

– Алло-о?

И тут Алексей скорее почувствовал, чем услышал, как тот самый девичий голос, что чудился ему два часа назад, заполнил собой все пространство его квартиры.

– Добрый вечер! – вежливо поздоровался голос. – Попросите к телефону, пожалуйста, Алексея Николаевича!

Ему на миг стало душно.

В кухне облаком повисла тяжелая пауза, и через секунду Алена резко спросила:

– А кто его спрашивает?

Скрываться не имело смысла.

– Говорит Наталья Нечаева, его старая знакомая.

Алена не знала, что предпринять. Как не вовремя Алексей оказался в кухне! Так бы, конечно, она соврала, что его нет, но врать при нем невозможно.

Наташа перехватила инициативу. Она тут же поняла все, что Алена успела только подумать.

– Прошу вас, не говорите мне, что его нет дома. Я попала в безвыходное положение, и только ваш муж может меня выручить.

Любопытство возобладаало:

– А что случилось?

Наташе, которая заранее просчитала этот вопрос, стало неприятно. Она даже хотела прекратить разговор. Как было бы радостно вдруг завести сейчас двигатель и умчаться от этого места прочь! Однако двигатель молчал, в неподвижной машине стало холодно, и это заставило Наташу продолжать.

– Я приехала из Москвы на конференцию, и у меня очень не вовремя сломалась машина. Я понятия не имею, где в вашем городе приличный сервис. Мы ведь с Алексеем старинные друзья, если вы не знаете... Наверное, я не затрудню его, если попрошу мельком посмотреть мою машину.

Сработало! Наташа услышала, как его жена сказала в глубину пространства:

– Там тебя спрашивает твоя старая подруга! Не притворяйся! Твоя институтская б..., Наталья Нечаева!

«С чего бы это его жене называть меня так? – поразились Наташа. Что-то странное – глухое и темное стало шевелиться внутри. – Какое право... как она смеет...» – и все, что можно

было почувствовать – и оскорбление, и желание прояснить, и оправдаться, и даже отомстить, – все это вихрем промелькнуло в уме Натальи Васильевны.

Алексей подошел и взял трубку.

– Прости, что беспокою тебя, мне просто больше не к кому обратиться. – Наташа была кротка, как овечка. Ее московский говор выдавала нежная удлинённость гласных.

– А что случилось?

Тот же вопрос. Говорят же: муж и жена – одна сатана.

– У меня сломалась машина, и я не знаю что делать. Мне так неловко, я собиралась на банкет, а застряла посреди дороги. Я ведь завтра должна была уже ехать домой, – грустным голосом закончила Наташа. – Ты не мог бы посмотреть мою машину и, если надо, дотащить на тросе до сервиса?

Какой же джентльмен откажется помочь знакомой даме, если у нее сломался автомобиль и к тому же не надо потеть, меняя колесо? Наташа не ошиблась в своих расчетах.

– Конечно, я сейчас приеду! Где ты стоишь?

Она всегда была вежлива, поэтому еще раз сказала:

– Извини, что затрудняю тебя, наверное, это далеко от твоего дома...

Он быстро перебил:

– Не важно, назови адрес!

Она сказала:

– Ты не дослушал. Проблема еще в том, что у меня украли кошелек с переднего сиденья...

– Такое сейчас случается сплошь и рядом, – заметил Алексей. Совсем недавно и у Алены украли сумку. – Не волнуйся, я тебя выручу. Только скажи, как тебя найти.

Она надела очки и прочитала адрес на углу дома.

– Здесь еще ресторан...

– Я знаю это место. Буду примерно через полчаса.

– Я подожду в машине. – Наташа назвала московский номер и добавила: – Если твоя жена захочет поехать с тобой, я буду только рада. – Она не лгала. После слов Алены ей даже очень хотелось с ней повстречаться. Что же это за женщина, которая разговаривает с Алексеем таким уверенно-сварливым тоном?

Алексей опять, не дослушав, перебил:

– Я выезжаю.

– До встречи.

Она нажала кнопку и опустила телефон на колени.

Боже, они не виделись столько лет! Он приедет через полчаса.

Как быстро отлетел в прошлое тихий вечер! Что за странная сила может двигать поступками взрослых людей! Один короткий порыв ветра среди полного штиля, и вот уже мчатся на всех парах навстречу друг другу не озабоченные сексом прыщавые подростки, а двое взрослых людей – солидный коммерсант Алексей Фомин и его институтская подруга, руководитель научной лаборатории, замужняя дама Наталья Нечаева. А ведь еще час назад ничего подобного и не намечалось... Неисповедимы дела человеческие!

У Наташи осталось самое меньшее полчаса. Ей нечего было делать, пришлось ждать. Машинально она включила кнопку проигрывателя. Оркестр Поля Мориа играл ее любимое адажио. Естественно, она и думать не думала, что тот, кто откроет дверцу, узнает эту музыку. Что с того, что когда-то он подарил ей такую пластинку. Подумать только, пластинку, то есть черный диск, который нужно было прослушивать на стационарном проигрывателе! Как мчится время! Сейчас таких проигрывателей не сыщешь ни у кого. Даже дома у папы и мамы место проигрывателя занимает современный плоский телевизор.

Она даже не помнила, по какому случаю Алексей вообще подарил ей пластинку. И уж наверняка не слушал ее никогда. Где теперь эта пластинка? Выбросили, наверное, давным-давно. Но вот однажды, проходя мимо музыкального отдела, Наташа услышала это адажио. И тут же купила диск. Что с того, что давно миновали дни ее юности? Юность тут вообще ни при чем. Адажио звучало удивительно мощно. Наталье хотелось бы, чтобы так же прозвучала и история ее жизни.

Наташа вытянулась на переднем сиденье и закрыла глаза, слушая музыку. Густые, тяжелые звуки оркестра торжественно качались в воздухе, как волны моря накатываются в шторм на светлую полосу пляжа и, отходя, увлекают неумелых пловцов от берега вдаль. И низкое небо, и сизое море были сродни равномерной мелодии и запаху любимых духов. Их аромат возбуждал и пьянил. Она улыбалась. Она думала, что теперь, в середине жизни, стала умелым пловцом – храбрым, опытным, не боящимся волн. И вовсе не из-за девчачьей любви стала звонить своему институтскому приятелю в этот вечер. Ее записная книжка сама раскрылась на нужной странице лишь потому, что нужно было расставить все точки над «i». Потому что ей надоело каждый приезд в этот город вспоминать бывшего друга. Потому что одной из возможных кандидатур на роль «темного человека» был он – Алексей. Потому что ей надоело зависеть от памяти. Потому что Наташа хотела показать, какой она теперь стала. И потому что не могла простить ту холодность, которую он проявил к ней в юности и которую ничем не искупил до сих пор.

Разве она любила его очертя голову, как это бывает с другими? Говорят, от любви до ненависти всего один шаг, а что между ними, какие полутона? Равнодушие, нежность, а может быть, гордость? Кто знает...

6

«Мне нечего волноваться», – Наташа расслабленно следила за цифрами, регистрирующими часы и минуты. Они будто замерли на приборном щитке. Уж сколько раз бывало в жизни: человек, когда-то оставивший о себе наиприятнейшее впечатление, на проверку оказывался гнусным негодяем. И ничего страшного. Принимаешь это к сведению, да и только. А тут задача была и вовсе проста: отыскать недостатки, убедиться, что человек, когда-то пренебрегший ею, сам оставляет желать много лучшего. Что в этом особенного? С возрастом стало легче отыскивать недостатки, чем достоинства.

Наташа успокаивала себя. И не напрасно. По тому, как колотилось сердце, она понимала – волнуется. К счастью, многолетняя практика умения расслабляться на короткое время дала о себе знать. Наташа закрыла глаза и представила себе Каменный остров и ту свою незабываемую неделю на нем.

За ней тогда прислали большую черную машину. Прямой как стрела проспект несколько раз пересек большие и малые рукава Невы, и машина свернула в соловьиный рай. «Дачный поселок бывшей партийной номенклатуры», – определила Наташа, в то время как лимузин катился между высоких заборов. Она и до этого знала, что где-то здесь, на острове, находились дачи советских партийных чиновников.

Был ранний июнь, черемуха нависла над водой в роскошном кружевном наряде, и соловьи заливались так, будто тот вечер, в который Наташа приехала сюда, был последним на земле.

Радужная хозяйка, мать больного ребенка, возлагающая на Наташу большие надежды, тут же стала настаивать, чтобы Наталья Васильевна из гостиницы переехала погостить к ним на дачу, тем более что была обещана полная свобода. Вся семья на следующий день отбывала в Финляндию, и этот огромный старинный дом с эркером и мансардой, с шофером и помощницей по хозяйству полностью оставался в Наташином распоряжении. Наталья не успела открыть рот, как была отдана команда немедленно перевезти из гостиницы ее вещи. С молниеносной быстротой в одной из комнат дома уже поместилась ее дорожная сумка. Наташа покорно вздохнула. К ней подвели ребенка. Воспитанная девочка – чуть рыжеватая, тоненькая, бледная – понравилась Наташе. После осмотра и разговора с матерью последовал обед. Вечером гостью отвезли в Мариинку. Она успела ко второму акту и одиноко сидела в престижной ложе. Дверь в коридор была услужливо закрыта, но Наташе все равно откуда-то дуло в спину. С сожалением она подумала о толпах страждущих, оставшихся за театральным порогом. Человек семь запросто могли бы занять пустующие за ее спиной кресла и тем самым спасти ее от радикулита.

Эта мысль ее развлекла. Наташа все еще находилась под впечатлением осмотра маленькой пациентки и снова обдумывала правильность своего заключения и все возможные варианты лечения. Наконец она успокоилась, решив, что все было сделано правильно, и музыка потихоньку начала проникать в ее душу и вызвала легкую влагу между веками.

Пока шел спектакль, прошумел короткий ливень и вымочил листву и площадь перед театром. Никольский собор сиял сверху своей золотой крышей. Машина дожидалась Наташу у обочины. Она поехала обратно и, вернувшись, зашла посмотреть на девочку.

Та давно спала в своей прелестной комнатке в окружении игрушек. Наташа осторожно вытянула медведя из-под тоненькой руки и пощупала девочке лоб. Голова, шея и спина ребенка плавали в горячем поту. Хозяйка стала менять на дочери рубашку, а Наташа мельком подумала о том, что делает сейчас ее собственная дочь. Но Серов был хорошим отцом. Язык не поворачивался называть его отчимом. Наташа вздохнула и шагнула в коридор. Хозяйка вышла в слезах и взяла с Наташи слово, что, если понадобится, та будет приезжать из Москвы наблюдать за ходом лечения. Потом они вместе пили чай. Заснула она без задних ног и без единой

мысли в голове, убаюканная трелями соловьев. Утро Наташа провалилась в постели, в глубине души сознавая, что поступает невежливо, но ничего не могла с собой поделать – так приятно было нежиться на мягкой перине, наблюдая, как ползет по стене солнечный луч и склоняются к окну зеленые ветки деревьев. Она томно приоткрыла глаза, только когда хозяйка осторожно постучала в дверь, чтобы попрощаться.

– Не вставайте, не вставайте!

Наташа оправдала свою совесть тем, что, когда люди уезжают, провожающие доставляют больше хлопот, чем пользы. Когда шум отъезжающей машины стих, Наташа спросила у домработницы кофе, а через полчаса уже бодро шла на прогулку.

Вот тогда-то она и вспомнила этот маленький архипелаг островов, по которому гуляла в детстве с отцом: аллеи, подъездные пути, расположение нумерованных мостиков и мосточков, широкий длинный гребной канал и величественный гранитный спуск к воде. Каждый день в тот приезд она ходила по мостам с Каменного острова на Елагин, и огромный медовый луг перед классическим портиком Елагинского дворца с постоянной радостью приветствовал ее роем пчел и порханием бабочек. Июнь тогда стоял просто на удивление теплый. Редко когда и где она ощущала так остро черемуховую сладость лета. Дворец укрывал ее между колоннами от скороспелых летних дождей, ежедневно шедших в тот год, резеда дурманила ароматом. И Наташе тогда ужасно хотелось любить и быть любимой.

«Что со мной? – спрашивала она себя. – Ведь в моей жизни все правильно. Есть муж, есть работа, подрастает дочка. Но так хочется чего-то еще!» – А чего – Наташа и сама не знала.

Она всегда любила начало лета. Ощущение солнца, пробивающегося по утрам через занавески и щекочущего лучами ее сонное лицо. Махровые, как пачки балерин, пионы, влажная сирень – любимые цветы, обещающие, что лето еще впереди, а значит, будут теплыми дни, короткими ночи и приблизится блаженная пора отдыха.

Давным-давно, таким же солнечным утром, Наташа проснулась и открыла глаза с сознанием, что ей исполнилось целых шестнадцать лет. Она лежала в постели и счастливо бездумно разглядывала потолок. Черт его знает, какие видения вихрем проносились тогда в ее голове! Но вот раздался легкий скрип двери, и она закричала: «Внесите дары!» И, легкая, соскочила с постели, готовясь расцеловать мать и отца.

Первой в комнату вошла мама с чудесными ямочками на щеках, с мягким взглядом, с волшебным розовым свертком в руках, а за ней, как-то боком, с огромным букетом сирени, отец. Она кинулась к ним, чтобы закружиться вместе в ветреной джиге объятий и поцелуев, но вихря не получилось. Прошелестел тихий ветерок поздравлений, и смущенно, чувствуя нечто непредсказуемое, она опустилась на постель, теребя розовую ленту подарка. Отец вышел из комнаты, а мать осторожно присела на край кровати рядом с дочерью.

– Что случилось? – Тревога птицей заколотилась в груди. Рука матери скользила по ее руке, а губы проговаривали какие-то непонятные, невнятные слова. Сквозь пелену тревоги до Наташи доносились обрывки: «Ты выросла... получать паспорт... изменить отчество... подумай и решить...»

– Да в чем же дело? – почти закричала она.

– Папа тебе не родной отец. Твой настоящий – уехал, когда ты еще даже не родилась.

– Папа? Как может папа быть мне не родной? – Наташа не могла этого принять.

А как же запах? Его родной запах, который знаком с детства? Который был с ней с тех пор, как она себя ощущала! Когда она бывала больна, она могла и не видеть отца, но всегда чувствовала, что он рядом – то с плюшевым медведем, то с ложкой лекарства, то со стаканом чая с малиновым вареньем... Даже когда он был в походе, Наташа чувствовала, что он скучает, заботится о ней... А его форма, что висела в шкафу? Парадный мундир, фуражка, его кортик? Она помнила их всегда. Откуда мог взяться какой-то другой отец? А внешнее сходство?

– Это дурацкая шутка?

Но мама заплакала. Наташа выскочила в кухню. Отец сидел за столиком у окна, и она вдруг впервые увидела, что он ведь не очень молод.

– Любименький! – Это было их детское слово. Он поднял голову и взглянул на нее беззащитно. Она плюхнулась ему на колени и стала покрывать поцелуями его худое лицо, сухие, но сильные руки, и тут в ее голову гадкой змеей вползла нелепая мысль, что она сидит на коленях не у отца, а у постороннего мужчины. Она медленно встала. Она всегда любила ласкаться к нему. Прижиматься к груди, обнимать за шею, гладить его руки...

Что теперь будет? Если он не родной, тогда как она его станет любить? Просто как мужчину, который старше ее всего лишь на двадцать лет? Любить за то, что он для нее сделал, за то, что был к ней постоянно добр, или как-то иначе? Родство и кровь – суть инстинкта. Если родства нет, а любовь существует – то это уже не родственная любовь. Какая же получилась чепуха! Оставить все так, как есть? Но ведь она уже знает... Зачем ей сказали? Из-за каких-то дурацких юридических закавык? Она вспомнила, что мама никогда не давала дочери в руки ее свидетельство о рождении. Знание – сила, но Наталья предпочла бы не знать. Теперь получилось, что они с мамой уравнились в правах на любовь этого человека. Но мама – его жена. А кто же теперь она, Наташа? Приемная дочь. Как противно звучит.

Наташа пошла назад в свою комнату. Проходила мимо родительской спальни – мама стояла у окна, обняв руками плечи.

«Ей было нелегко сказать», – подумала Наташа.

В своей комнате она медленно опустилась на кровать и сжала руками плечи, так же, как мать. Заметила это и опустила руки. Приемная дочь. Ни мыслей других не было в голове, ни чувств. Как мешком ударили по башке. Огромный букет лежал рядом с ней на кровати. Наташа равнодушно посмотрела на него, трогать не стала. Мать осторожно вошла в комнату, села рядом.

– Я тебя люблю, мама! – Наташа уткнулась в ее плечо. Сразу стало легче. Защита, осознание что тебя любят – вот что главное для детей. – Как это случилось? Расскажи! – бормотала она, вдыхая знакомый запах матери. – Надеюсь, ты-то мне родная? Я не из детдома?

– Не из детдома. – Мама тоже заплакала и стала гладить ее по голове.

– Как же случилось, что папа мне не настоящий папа? – настаивала Наташа.

– Не все в жизни получается гладко. Я была молода, думала, что влюбилась по-настоящему. Очевидно, тот человек тоже думал, что все окажется по-настоящему. Но... в общем, я осталась одна с тобой. У тебя у маленькой были такие чудесные кудряшки! А тот человек никогда даже тебя и не видел. – Мама замолчала.

Настолько она любила мужа, что не могла делиться самым сокровенным ни с кем, даже с дочерью. Но в памяти ее сам собой всплыл тот день и тот час, когда в ее родном городе на Волге ударила летняя гроза, показавшаяся знамением. Мгновенно пронесаясь, она оставила после себя теплые лужи, яркую зелень листьев, клочки облаков в синем небе. Гроза смыла пыль и грязь с улиц, и степной город напился редкой для середины лета влагой. Только Волга, даже будто не заметив дождя, так же мощно несла свои воды вниз к морю. Они тогда жили в большом доме на набережной. У нее была комнатка – дали от завода, когда узнали, что беременна. Окно как раз выходило во двор – комнатка была на первом этаже.

Скатывались в ручейки лужи, серебристые тополя шелестели листьями вслед уходящей грозе, а груженные баржи как шли, так и продолжали идти вверх и вниз по течению, ни на минуту не прерывая свою тяжелую, медлительную работу. Как щенок, веселясь, сверкая на солнце боками, выскочил на простор белый глиссер. Мелькнул и понесся дальше. У Наташиной мамы тогда сжалось в сладком предчувствии сердце. Мороженщик выкатил на угол свою голубую тележку и установил сложенный из-за дождя полосатый выцветший тент.

С улицы во двор свернул молодой офицер в военно-морской форме. Он легко нес объемистый коричневый чемодан. На груди мужчины золотился орден. Офицер прошел мимо

мороженщика за угол и направился прямо к их подъезду. Мать Наташи дернула на себя фрамугу окна, стекло было залито дождем, она стояла босая на подоконнике с тряпкой в руках. Моряк остановился у подъезда и снял фуражку.

Солнце сияло в каждом окне, отражалось от мокрых карнизов, искрилось фонтаном капель, стекающих с подоконников. Солнце било в глаза, и мужчина перевел взгляд вниз, в тень деревьев. Обломанные грозой сучья валялись на мокром песке. Из подвального окна выглядела кошка. Малолетний пацан с криком вырвался из подъезда и устремился под липы, грозно взмахивая самодельной изогнутой саблей. Мужской голос под приятную мелодию задушевно пообещал, что в недалеком будущем на планете Марс будут обязательно цвести яблони. Моряк перевел взгляд и увидел: к молодой женщине, протирающей стекла, взобралась на подоконник девочка лет трех – с рыжеватыми кудряшками, в красном платье. Она приставила к одному глазу трубочку детского калейдоскопа и навела ее на солнце.

– Мам, как красиво! – Вдруг она опустила трубочку и посмотрела на моряка.

– Папа приехал! – Трубочка упала из раскрытой ладошки вниз, и моряк услышал, как звякнули стекляшки. Женщина схватила девочку, смутилась. Кровь прилила к ее лицу. Засияли две симпатичные ямочки на щеках.

– Не кричи, Наташа! – тихонько сказала она. – Это не папа. Папа пока не приедет, ему нельзя!

– Нет, это папа! – Девочка заплакала горько, навзрыд.

Мужчина опустил чемодан на мокрую землю и протянул вперед руки.

– Пойдем погуляем. – Легко она скользнула к нему вниз с подоконника.

– Наташа, вернись! – От смущения женщина не могла смотреть гостю в лицо.

– Вы не беспокойтесь. Мы далеко не уйдем! – Моряк глядел на ямочки на щеках и улыбался.

– Простите ее, болтает сама не знает что!

– Ничего! Пусть чемодан немного под вашим окном постоит.

Небесный калейдоскоп звякнул звездами и сложился в перепутанный яркий узор. Девочка стихла. Мужчина долгим взглядом посмотрел на женщину. Она покраснела еще больше. Аккуратной ладонью откинула со лба волнистые волосы. Моряк вспомнил багровое лицо председателя военно-врачебной комиссии, полковника медицинской службы. Доктор багровел не от злости. По натуре он был незлой человек. Кровь прилиwała к его лицу всякий раз, когда он должен был сообщать плохие новости. Сам доктор терпеть не мог чувствовать себя вершителем судеб, выносить вердикты, ломавшие людям жизнь, и не привык говорить в таких случаях спокойно, не кричать. У Нечаева он спросил:

– Дозу хватал?

– Схватил небольшую.

– А женат?

– Пока нет.

– Значит, детей нет?

– Нет.

– Напрасно, – опустил глаза доктор. – Иногда бывает полезно жениться пораньше.

Нечаев все понял. И сейчас решение пришло само. Если ее отец не приедет в течение месяца, то до конца отпуска эта девчушка в кудряшках станет его дочерью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.